

КАНДЕЛА ОЛЬГА
МЕДЯНСКАЯ НАТАЛИЯ

ЛАТАЯ СТАРЫЕ
ШРАМЫ

ИДДК

Ольга Кандела
Наталия Медянская
Латая старые шрамы
Серия «Латая старые шрамы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Кровопролитная война окончена, иномирные пришельцы ингиры, которых в простонародье также называют Хамелеонами, выселены за пределы Антреи, но люди все так же близки к вымиранию, как и прежде. И ситуация год от года лишь ухудшается. На десять рожденных мальчиков приходится лишь одна девочка, а местные женщины порой вообще отказываются заводить семью и потомство, предпочитая свободные отношения и праздную жизнь в свое удовольствие.

Забытый герой войны Рейнар Фрей, чье лицо и тело изуродованы страшным иномирным оружием, ныне курирует все вопросы, связанные с ингирами, и предотвращает попытки повторного вторжения. Ему нет дела ни до женщин, с их рьяными попытками отстоять собственные права, ни до мужчин, пытающихся найти компромисс и призвать представительниц прекрасного пола к благоразумию.

Нет дела до тех пор, пока свидетельницей очередного вторжения не становится свободолобивая красавица по имени

Роксана, которую Рейнару поручают охранять от возможного покушения. И, конечно же, он и не предполагает, что девушка, ставшая обузой и лишь мешающая проводить расследование, выведет его на след Хамелеонов.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	37
Глава 3	60
Глава 4	85
Глава 5	108
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Ольга Кандела, Наталия Медянская Латая старые шрамы

Пролог

Рейнар

Я бежал через заметенное зимнее озеро, по щиколотку утопая в снегу, тяжело дыша и хватая ртом морозный воздух. Снег застилал глаза. Крупные хлопья летели прямо в лицо, лезли в рот, забивались за отвороты пальто, норовя вскоре превратить меня в один огромный сугроб. Холодная вода стекала за воротник и ледяными щупальцами жгла шею. А пурга и не думала униматься.

Самое то погодка для погони!

– Скорее. Уйдут! – крикнул кто-то, и голос его растворился в завывании ветра.

Я раздраженно сплюнул, поймав ртом снежинку. Быстро глянул по сторонам, высматривая свою собаку. Но та, видимо, унеслась далеко вперед или скрылась за высоким сугробом, ускользнув из виду.

Сучий потрох! Надо же было прорыву случиться имен-

но сегодня. Да еще не в городе, а на окраине, в жидкой рощице. А рядом мелкое озерцо, затянутое льдом и укрытое сверху снежным покрывалом. Сразу за ним чернеет лес – туда-то и рванули Хамелеоны. Следы их стремительно заносило снегом. И все мы прекрасно понимали, что если не нагоним неприятеля сейчас, к концу непогоды они бесследно затеряются меж разлапистых елей.

Я прибавил ходу, одновременно отирая рукавом тепловые очки. Снять их хотелось невероятно. Снег постоянно налипал на стекла, мешая нормально видеть.

Но без очков шанса настигнуть беглецов и вовсе не будет. Хамелеоны с легкостью сливаются с местностью, и засечь их можно лишь по всполохам тепла, что излучает тело.

– Вон гляди, на пригорке! – Бегущий впереди страж замал руками, указывая на поднимающийся берег озера.

Я присмотрелся. И правда. Желтые всполохи на темно-синем холодном снегу явно указывали, что на пригорке есть кто-то живой и весьма подвижный.

Я содрал с лица очки и обернулся к арбалетчику:

– Сможешь снять отсюда?

По сути, это был единственный шанс. Ингиры почти подобрались к кромке леса. Отыскать их там – все равно что найти иголку в стоге сена. А здесь, на пригорке, они как на ладони. Лучшего случая для выстрела не представится.

– Далековато. И ветер сильный. – Тайн повел носом по ветру. Уставился на пригорок, одновременно вскидывая ар-

балет.

Да, попасть в цель в такую пургу – дело нелегкое. А учитывая тепловые очки, на которые постоянно налипает снег, – и вовсе невыполнимое. Но недаром в стражи границы берут лишь лучших.

Раздался треск спущенной тетивы. Не знаю, достиг ли болт цели, но на пригорке явно засуетились.

– Кажется, задел одного. Давай еще! – скомандовал арбалетчику, но тот и без моих подсказок уже заправлял следующий болт.

Очень вовремя подбежал второй стрелок. Этого я взял на службу совсем недавно – еще не такой опытный и шустрый, как Тайн, но слава Всемогущему, объяснять ему ничего не пришлось, и вскоре уже два арбалетных болта рассекли воздух.

На пригорке все затихло. Тепловые всполохи куда-то исчезли. То ли подстрелили гадов, то ли те успели уйти. Но было ясно – стрелять больше смысла нет, и мы со всех ног рванули к берегу.

Я надеялся, что удалось ранить хотя бы одного. Все же свежая кровь – куда лучший ориентир, чем отпечатки ног. Если что, Айна возьмет след, и шансы догнать беглецов возрастут многократно. Словно отзываясь на мои мысли, впереди раздался призывный лай. Кажется, псина что-то обнаружила.

Надежды мои оправдались с лихвой.

Хамелеоны лежали рядом, окрасив кровью сугроб. Один из них завалился лицом прямо в снег, второй же широко распахнутыми глазами глядел в небо. Кажется, арбалетные болты настигли их почти одновременно – все же хорошо срабатывались мои стражи.

Я подошел ближе и пнул одного ногой. Казалось бы, немало я повидал Хамелеонов во время Вторжения. А теперь стоял и будто впервые смотрел на вязь татуировок, украшавших лица пришельцев, на раскрытые желтые глаза с кошачьими зрачками, в которые падали снежинки, да так и не таяли.

Странно, я ожидал, что внутри всколыхнется злость, но испытал лишь облегчение. Хоть попытки открытия порталов и случались регулярно, но никогда еще враг не прорывался так далеко, как сегодня.

И ведь даже не скажешь, чья в том промашка. Или, может, мы все здесь расслабились? Слишком давно не встречались с врагом лицом к лицу. И, кажется, я уже совсем позабыл, каково это – до скрежета зубов ненавидеть неприятеля.

Глава 1

Месяц спустя

Роксана

Этим вечером в таверне «Плакучая ива» былолюдно – все до одного столики были заняты, а те посетители, кому мест не досталось, нетерпеливо толпились вокруг стойки трактирщика. Несмотря на морозную, ветреную погоду за окном, в просторном зале было жарко и душно. В воздухе витали дурманящие ароматы жаркого, сырных лепешек и сладких печеных яблок, неуловимо мешаясь с терпким запахом дыма и сосновой смолы. В гул людских голосов и живой музыки то и дело вклинивался звон посуды и треск горящих в камине поленьев. Столы ломились от выпивки и угощений. Но вовсе не отменная кухня и не талантливая игра музыкантов стали причиной наплыва посетителей.

Все было намного проще и прозаичнее. По крайней мере, для нас с подругами. К подобному ажиотажу мы давно привыкли. И картинка везде складывается одинаковая – в каком бы заведении мы ни появились, весть об этом мгновенно разлетается по округе, и все холостяки, словно пчелы на мед, стягиваются к указанному месту.

Не сказать, чтобы нас это сильно беспокоило, скорее наоборот. Чем больше выбор – тем лучше. Да и хозяйева та-

верн такому наплыву только рады. Будь их воля, они бы нас каждый вечер к себе зазывали, да еще бы и кормили даром. Впрочем, обычно так и происходит. Даже и не припомню сейчас, приходилось ли нам с подругами хоть раз самостоятельно расплачиваться. Всегда находятся добровольцы, что жаждут получить хоть толику женского внимания или, того паче, расположение. Да и как еще кавалеру продемонстрировать свою состоятельность, если не оплатой счета? Причем порой довольно внушительного. В выборе деликатесов и дорогих вин мы себе никогда не отказываем.

В «Плакучей иве» же все и того проще. Заведеньице это средней руки, с весьма доступными ценами. Зато помещение здесь просторное, народу вмещает много, и при отсутствии свободных столиков прибыль от посетителей с лихвой перекрывает расходы на оплату нашего ужина. Так что беспокоиться о деньгах и вовсе нет смысла. Зато можно заняться куда более интересными вещами.

Сегодня мы с подругами расположились за центральным столиком – так, чтобы нас хорошо было видно окружающим и чтобы самим без труда просматривать зал. Цель нашего визита вполне очевидна, так что какой смысл таиться?

Мужские взгляды были привычно обращены к нашей компании. Однако, несмотря на явный интерес, подходить и знакомиться никто не спешил. И правильно делали. Этим вечером мы не настроены на общение. Мы пришли за иным, а

потому кавалерам следует проявить терпение. Троицким из них сегодня повезет, остальные же останутся не у дел. Хотя эстетического удовольствия еще никто не отменял.

Мы с девчонками тоже не отказывали себе в удовольствии – без тени смущения разглядывали местную публику и в открытую делились мнениями.

– А как тебе тот чернявый усач? – спросила Марта, указывая на статного мужчину, что обосновался за стойкой с большой пенистой кружкой в руках.

Марта – моя давняя знакомая. Эффектная жгучая брюнетка с черными как ночь глазами, что затуманили разум не одному мужчине, встретившемуся на ее пути. Кажется, мы сдружились с того самого момента, как я переехала в Общину. Мне тогда тяжело было – в один миг оторвали от семьи, от дома, где росла и с которым было связано столько счастливых воспоминаний. Марта тогда меня поддержала и стала верной подругой. Сейчас, конечно, мы не столь неразлучны, как в юношеские годы, но традиция вместе выбираться в город по вечерам осталась.

– Мм... А усы колотья не будут? – недоверчиво протянула Натали – совсем еще молоденькая воспитанница женской Общины. Изящная, светловолосая и, в отличие от нас с брюнеткой, пока еще скромная и зажатая.

Натали мы взяли с собой впервые, а потому девушка изрядно волновалась и то и дело начинала комкать в руках тонкий белоснежный платок.

Марта же, вместо того чтобы поддержать неопытную подругу, ехидно прыснула в кулачок и снисходительно ответила:

– Конечно, будут. Или ты думаешь, мужская щетина мягкая и шелковистая, как твои локоны?

Блондинка потупилась и еще сильнее смяла несчастный платок.

Ох, ну вот кто только Марту за язык тянет? Натали и так вся трясется, а эта зараза еще и шуточки неуместные отвечает.

Я поспешила успокоить юную приятельницу и, участливо коснувшись плеча, мягко произнесла:

– Тебе не обязательно выбирать сегодня, Нати. Если никто не нравится, можем прийти в другой раз. Никто не торопит.

– Нет, раз уж пришла, значит, сегодня. К чему тянуть? – Натали решительно тряхнула светлыми кудряшками и расправила платок, пытаясь придать ему приличный вид. Да, такой и вручать-то стыдно. – Только не знаю, кого предпочесть. Я ни с кем не знакома...

– На твоём месте я бы выбрала кого поопытнее. Все-таки первый раз. – Марта плотоядно улыбнулась: то ли своим мыслям, то ли лежащему на блюдечке яблочному штруделю, обсыпанному корицей и сахарной пудрой.

Девушка отправила в рот небольшой кусочек и блаженно прикрыла глаза, смакуя лакомство. Я же чуть не подавилась от зависти – свой-то десерт уже успела слопать. А вто-

рой точно не пойдет на пользу фигуре. А потому остается лишь глотать слюну.

Кстати, выпечка в «Плакучей иве» всегда была отменная. А зимними морозными вечерами как никогда хочется побаловать себя душистым мятным чаем вприкуску с чем-нибудь сладеньким, так что выбор наш в последнее время зачастую падает на эту таверну. А то, что на втором этаже всегда имеются свободные комнаты, делает «Иву» идеальным местом для ночных свиданий.

Через силу оторвала взгляд от чужого лакомства и поспешила вернуться к разговору, а точнее – опровергнуть утверждение подруги. У меня было много мужчин, и, в отличие от Марты, я предпочитаю разнообразие, так что кому, как не мне, судить о так называемых различиях или... об их отсутствии.

– Перестань, не так уж это и важно! – заявила весьма категорично. – Главное, смотри, чтобы он не оказался пьян. Перебравший мужчина может быть не в меру нетерпелив и порывист. А в остальном... просто выбери того, кто покажется приятным.

Я ободряюще улыбнулась Натали, а после грациозно откинулась на спинку стула. Тут же поймала на себе несколько заинтересованных мужских взглядов и, решив продолжить представление, медленно отвела за спину густые каштановые волосы, выставляя на всеобщее обозрение изящную шейку.

Теперь взгляды стали не только заинтересованными, но и откровенно жадными, я же кокетливо опустила ресницы, скрывая блеснувшее в глазах удовольствие.

Всегда любила немножко поиграть на публику. Всеобщее внимание, можно сказать, – моя слабость. И я не стесняюсь изредка себя побаловать. А может, и не изредка...

Натали вняла моему совету и понимающе кивнула. Хотела спросить что-то еще, но не успела. Входная дверь распахнулась, и вслед за сквозняком в зал ввалилась троица молодых людей, облаченных в темно-синюю форму гвардейцев приграничного полка. Все трое на зависть статные, крепкие, покрасневшиеся с мороза. Мужчины стряхнули россыпь льдинок с шинелей, отряхнули меховые шапки и, бросив одежду на лавку, направились к столику у окна. Сидевшая там компания тут же разразилась приветственными криками – кажется, их ждали и загодя побеспокоились о местах.

Вслед за гвардейцами в душный зал ступила молодая женщина, в которой я без труда узнала Лейлу.

Интересно, а она что тут забыла? Или в доме удовольствий нынче недостаток клиентов?

К слову, род занятий моей знакомой сразу бросался в глаза. Даже верхняя одежда ее и та казалась вызывающей – не по погоде короткая кроличья шубка с богатым воротником, оканчивающимся острой лисьей мордочкой. Вместо пуховой шали – миниатюрная фетровая шляпка, даже не прикрывающая уши, сапоги на каблучке (и как она только в таких по

гололеду шла?) и пышный багряный подол с пеной нижних юбок, только-только прикрывающих колени.

Лейла, как всегда, явилась одна. Вообще, у наших женщин не принято ходить в одиночку. Но обитательницам дома удовольствий правила не писаны.

Девушка небрежным движением бросила шубку служке на входе, огляделась и, заметив нашу компанию, вальяжной походкой направилась к столику, при этом не забывая игриво покачивать бедрами и то и дело бросать по сторонам призывные взгляды. Хотя ее прекрасные глазки мало кого волновали. Гораздо большего внимания удостоивалась пышная молочно-белая грудь, приподнятая жестким лифом платья и выгодно подчеркнутая низким декольте.

Всё как всегда – женская грудь будоражит мужские умы!

У нас с Мартой наряды, конечно, не такие откровенные, но тоже есть на что полюбоваться. Натали же одета совсем скромно: наглухо застегнутое шерстяное платье с высоким воротом не то что не подчеркивает женских прелестей, но даже намек на оные не дает.

Да, надо будет на досуге пересмотреть ее гардеробчик.

Кстати, приближение Лейлы не на шутку взволновало нашу юную знакомую. Девочка сильно смутилась и старательно отводила взгляд, делая вид, что ничуть не обеспокоена происходящим. Вот только ничего путного у нее не получалось – более того, казалось, что на бледных щеках вот-вот вспыхнет предательский румянец, с головой выдавая смущение.

ние юной девицы.

У нас в Антрее работа Ночных Фиалок не порицается, но отдельные, консервативно настроенные семьи все же считают данный род занятий зазорным, и, видимо, Натали как раз из такой семьи.

Что ж, придется ей привыкать. Как привыкла я когда-то.

Марта же на приближение жрицы любвиотреагировала спокойно. Точнее... никак неотреагировала. Ибо все ее внимание в данный момент было приковано к компании гвардейцев, вошедших чуть ранее. А точнее, к одному из них – статному зеленоглазому брюнету с широкими густыми бровями и по-мужски тяжелым подбородком.

Понимаю подругу – там есть на что заглядеться. И, пожалуй, этот мужчина вызывает интуитивное чувство надежности, вот уж про кого говорят «как за каменной стеной».

– Знаешь его? – не смогла сдержать интереса и дернула подругу за рукав.

– Да-а-а, – с придыханием протянула Марта и, откинувшись на спинку стула, призналась: – Это Грен. Мы общались несколько раз.

– В постели или так? – с легким смешком уточнила я.

– И так, и так. – Южанка покачала головой и тоже усмехнулась.

О, это что-то новенькое. Марта редко снисходит до простого общения с представителями противоположного пола, так что тут можно говорить о явном интересе с ее стороны.

Расспросить подругу подробнее не успела. В этот момент Лейла как раз поравнялась с нашим столиком и опустилась на стул, загодя принесенный расторопным подавальщиком. Стянула с рук узкие велюровые перчатки и с тяжким вздохом поведала:

– Фу-у-ух. Ну и погодка сегодня.

– Метет?

– Ага. Только снега – пшик. Один ветер да горстки ледяных осколков летят в лицо. – Девушка принялась разминать покрасневшие на морозе пальцы и с чувством добавила: – Замерзла, как цуцик!

– Конечно, в таком-то наряде! Весь зад небось отморозила? – подначила знакомую, но та лишь несогласно фыркнула и поспешила сменить тему:

– А у вас тут чего интересного?

Марта наконец оторвала взгляд от мужчины и поспешила включиться в беседу. Гвардеец, впрочем, глаза отводить не спешил. Кажется, воспитанница женской общины его здорово зацепила, если не сказать «поймала в сети».

– Мы пришли поддержать Натали. Она здесь впервые. – Брюнетка кивнула в сторону сжавшейся в комочек Нати, а Лейла перевела взгляд на смятый белоснежный платок в ее руках.

– О-о-о, поздравлю. Знаменательное событие. Хотя я своего первого, если даже постараться, не вспомню, – хмыкнула обитательница дома удовольствий и жестом подозвала к

себе подавальщика.

Натали поджала губы и глянула на нее осуждающе. А я лишь легонько покачала головой.

Все же Нати совсем еще домашняя девочка, хоть и живет в Общине уже больше года. Но иное воспитание чувствуется сразу. Ведь семья – это нечто закрытое. Свой маленький мирок со своими представлениями о плохом и хорошем. И пройдет еще немало времени, прежде чем девочка полностью вольется во взрослую жизнь, наберется опыта и сможет обо всем судить самостоятельно. А пока это ее желание походить на остальных воспитанниц Общины скорее вызвано лишь боязнью одиночества. И, возможно, зря мы сегодня притащили ее с собой. Рано ей еще.

Но тут решение только за Нати. А первый взрослый выбор никогда не бывает легким.

Меж тем косой взгляд нашей скромницы не остался незамеченным.

– Не смотри так, мышка, – сделав заказ, снисходительно заговорила Ночная Фиалка. – Впрочем, если угодно, можешь считать меня падшей женщиной. Я не стыжусь. И вообще, подружки твои не лучше. Да и ты скоро сама станешь такой же.

– Но они хотя бы не спят с мужчинами за деньги! – попыталась возразить Натали.

Вот теперь на ее щеках проступил яркий румянец, выдавая девушку с головой. Да, не привыкла она еще на такие

темы разговаривать.

– Ну и дуры, – беззлобно отозвалась Лейла. – Брали бы деньги, у каждой бы уже было по особняку в центре города. А так... Оказывают те же услуги, только бесплатно.

Марта неприязненно фыркнула, а мне почему-то стало смешно. Всегда интересно послушать, что о тебе думают окружающие. Да и точка зрения Лейлы была отнюдь не лишена оснований.

– Мы хотя бы можем выбирать! – упрямо заявила южанка, с укором глядя на собеседницу. Темные глаза ее сверкали, а сдвинутые к переносице брови, вопреки ожиданиям, умиляли.

Все же я очень давно знаю Марту и к злости ее никогда серьезно не относилась. Она у нас девушка отходчивая: побухтит, позлится, а через пару часов и вовсе забудет.

– И что? – фыркнула Лейла. – Я тоже могу отшить клиента, если он мне неприятен. Никто и слова возразить не посмеет.

– И часто ты их отшиваешь? – провокационно поинтересовалась брюнетка и лукаво выгнула изящную чернильную бровь.

– Да как сказать. Обычно я другую тактику применяю. – Ночная Фиалка склонилась над столом и доверительно поведала: – Попросту завышаю цену. Если потянет – потерплю, от меня не убудет. Зато оставшуюся жизнь я не буду зависеть ни от хозяйки дома удовольствий, ни от мужиков, ни

от вашей Общины... Свобода! – мечтательно закатила глаза Лейла и даже, кажется, вдохнула полной грудью.

– Ну-ну... – хихикнула я, все-таки решившись встрять в разговор. – Только от рождения детишек тебя никто не освободит.

– Фу-у. Какая ты противная. Все настроение испортила, – насупилась девушка, и мечтательная улыбка бесследно сошла с ее лица. – Мне, кстати, вчера письмо из Общины пришло. И в нем настоятельно рекомендовалось заняться подбором отца моего будущего ребенка, – поделилась неприятностью Лейла и сморщила хорошенький носик.

– Что, уже пора? – удивилась Марта.

– Мне почти двадцать восемь. Еще полгода-год, и дом удовольствий придется покинуть. А если до двадцати девяти я не подберу подходящего кандидата, то Община предоставит своего. И запрут меня на три месяца с незнакомым мужиком... ну и дальше вы знаете. – Лейла махнула рукой и с горя залпом осушила первый попавшийся бокал вина.

Кажется, это Натали не допила. Впрочем, она не особо расстроилась по этому поводу, а возможно, даже и не заметила.

– Да уж... Лучше самой выбрать, чем так... – Блондиночка зябко поежилась и передернула узкими плечиками.

– И кого бы ты выбрала? – провокационно спросила Ночная Фиалка, с вызовом глядя на неопытную в таких делах девушку.

– Ну-у... – протянула Натали и задумчиво прикусила нижнюю губу. – Наверное, здорового. Без вредных пристрастий, с хорошей наследственностью и...

– Глупости! – резко перебила Марта. – Надо состоятельного выбирать! Чтобы было на что ребенка содержать. Да и самой не нуждаться. А то пока молода и красива – ты всем нужна. А потом, как рожать не сможешь, выкинут за ненадобностью!

– Вот поэтому я и зарабатываю сама! – горделиво вскинула подбородок Лейла.

– Лучше уж замуж выйти – тогда работать и вовсе не придется, – продолжала настаивать на своем южанка.

– И зависеть от мужа?! Вот еще! – Фиалка поджала губу и упрямо скрестила руки на груди.

– А ты чего молчишь? – вдруг накинулась на меня подруга, а я аж вздрогнула от неожиданности. Похоже, остаться в стороне от жаркого спора мне не дадут. – Ты бы что предпочла?

– Я?

Вопрос заставил меня всерьез задуматься. И правда, что бы я сделала, окажись на месте Лейлы? Раньше мне не приходилось думать о будущем, о детях – все это казалось слишком далеким. А ведь я, по сути, всего на три года младше нашей общей знакомой. И совсем скоро передо мной встанет та же проблема...

– Я бы выбрала того, кто хочет ребенка, – произнесла

неуверенно, заведомо ожидая бурной реакции подруг.

– Благодетельница ты наша! – эмоционально всплеснула руками Марта.

– Они все хотят! – одновременно с ней заявила Лейла.

– Хотеть тоже можно по-разному, – принялась рассуждать вслух, еще сама не зная, к чему приведут эти рассуждения. – Тем выскочкам, что первыми стоят в очереди в Общине, скорее всего просто нужен наследник. Чтобы было кому состояние передать. Я же говорю о тех, кто действительно хочет растить ребенка. Воспитывать, учить всему. Ты ведь его не оставишь? – спросила у Лейлы, хотя и так знала ответ на вопрос.

– Если мальчик, точно не оставлю. А насчет девочки... наверное, подумаю.

Натали неодобрительно фыркнула, а я лишь тяжело вздохнула.

И куда только катится мир? Ребенок еще даже не появился на свет, а будущая мамаша уже решила от него избавиться. Впрочем, иного от Ночной Фиалки я и не ждала. Она такая не первая. И, к сожалению, далеко не последняя.

У нас в Общине живет несколько женщин, что родили ребенка и оставили его на попечение отцу. Сами даже проводить не утруждаются. Будто не они вынашивали и рожали это дитя. Никогда таких не понимала. Остается лишь радоваться, что их меньшинство.

Я слегка приуныла, раздумывая о тех несчастных, что жи-

вут без матери. У меня-то самой мать была. И отец – он и сейчас есть. И старший брат. Но далеко не всем это дано.

И тут на стол легла крупная алая роза, разом вырвав меня из невеселых мыслей.

– Вам просили передать, – произнес молоденький подавальщик, обращаясь к Марте, и указал взглядом на столик, за которым расположились гвардейцы.

Но тут и без пояснений было понятно, что цветок прислал Грен. Да еще какой! Алая роза означает если не признание в любви, то как минимум серьезность чувств и намерений.

Южанка провела пальчиком по бархатному лепестку, поднесла цветок к лицу, чтобы втянуть приятный нежный аромат, а после послала легкую улыбку и кокетливый взгляд отправителю.

– Так у вас с ним серьезно? – нетерпеливо спросила я.

Любопытство буквально сжигало изнутри – прежде мне не доводилось замечать подобных мечтательных выражений на лице подруги. А еще переглядывания, что не прекращались весь вечер. Все эти мелочи наталкивали на весьма однозначные выводы. И если все так, как я думаю, то остается лишь порадоваться за Марту. Для нее самое время подобрать себе спутника, а при том, что девушка не прочь выйти замуж, то обстоятельства складываются как нельзя более удачно.

– Ну-у-у, – задумчиво протянула брюнетка, – я еще не решила, нужен ли он мне...

– Все играешь? – добавив ехидства в голос, поинтересовалась Лейла.

– Почему бы и нет. Могу себе позволить, – хмыкнула южанка и вытащила из декольте шелковый красный платок. – Смотри, Натали, и учись.

Кажется, сейчас будет представление...

Девушка одним глотком допила вино и грациозно поднялась из-за стола. Оправила и без того идеально сидящее платье и, шаловливо подмигнув, направилась к столику гвардейцев. Все то время, пока шла, коварная обольстительница не отрывала томного взгляда от Грена, и все присутствующие были абсолютно уверены, что шикарная брюнетка подойдет именно к нему. Но Марта любила играть, а еще очень любила преподносить сюрпризы.

Не дойдя буквально пары шагов до уже поднимающегося мужчины, она резко остановилась, повернулась и, сладко улыбнувшись, протянула шелковый платок его другу.

Выражения лица Грена в этот момент я, к сожалению, не видела. Но реакцию его вполне могла представить и мысленно наградила подругу самыми нелестными эпитетами, какие только знала.

Все-таки какая Марта порой бывает стерва! Никогда этих ее выходок не понимала.

Внезапный же счастливец недоуменно моргнул, на доли секунды замешкался, но все же принял подарок и, следуя неписаным правилам, приложился губами к девичьей ручке.

Женщинам не принято отказывать. Наше желание – почти закон. Да и какой дурак откажется провести ночь с такой красоткой? Даже несмотря на то, что эта ночь будет стоить испорченных отношений с товарищем.

Спустя несколько секунд удачливый кавалер уже вел Марту под локоток, направляясь к лестнице на второй этаж. Грен провожал их хмурым взглядом, губы его были плотно сжаты, а на скулах отчетливо ходили желваки. Но сделать он, увы, ничего не мог. Марта – свободная женщина. Имеет право выбирать кого вздумается. Но сейчас она явно играет с огнем...

Натали, похоже, разделяла мою точку зрения. По крайней мере, на брюнетку смотрела недоуменно и явно осуждающе. Лейлу же весь этот спектакль изрядно повеселил. Ночная Фиалка заказала еще вина и, усмехнувшись, поделилась впечатлениями:

– А у вас тут, оказывается, весело. Пожалуй, присоединюсь к вашей компании, как выгонят из дома удовольствий.

Я пропустила ее слова мимо ушей. Гораздо больше меня волновало поведение Грена. Еще чуть-чуть, и он бросится вдогонку за удалившейся парочкой. И тогда о счастливом будущем молодых людей можно забыть. Кому нужен неуравновешенный супруг?

Впрочем, ничего такого не произошло. Мужчина усмирил свой гнев и, не мудрствуя лукаво, заказал крепкого хмельного эля, дабы заглушить горечь разочарования.

Ясно, решил надраться. В принципе логично. Но меня такой поворот совершенно не устраивал. В голове созрел нехитрый план, и пьяный вдрызг Грен для его осуществления никак не годился. А значит, нужно было его остановить. И как можно скорее.

– Ну как, определилась? – поторопила я Натали, которая все никак не могла решиться.

Пришлось вырвать из ее пальчиков смятый платок и самолично его расправить. Позорище какое!

– Может быть, вон тот... блондин, – девица кивнула в сторону совсем молоденького паренька, что пришел сюда в сопровождении старших товарищей.

Я видела его впервые и предположила, что молодой человек, так же, как и Натали, здесь новичок. И, возможно, оно даже к лучшему. По крайней мере, девочка не будет волноваться, что делает что-то не так.

– Отличный выбор, – поспешила поддержать подругу и первой поднялась из-за стола. – Идем, я провожу.

Натали непонимающе моргнула, но послушно встала. Я же подхватила ее под локоток и повернулась к Лейле:

– Я, пожалуй, тоже определилась с сегодняшней партией. Ты как?

– Ты же знаешь, мне запрещено торговать телом за пределами дома удовольствия.

Знаю-знаю. Для жриц любви правила хоть и не писаны, но все же некоторые из них крайне не рекомендуется нарушать.

– А так не хочешь?

– Вот еще! – фыркнула Лейла. – Делать больше нечего! Мне и на работе «развлечений» хватает.

– Как знаешь, – бросила я и потащила Нати через зал.

Уговаривать Лейлу смысла не было. И, в общем-то, ее право поступать так, как считает нужным. Вот только не понимаю, зачем тогда она сюда приходит? Подразнить оголодавших по женским ласкам мужчин?

Мы же с Натали неспешно подошли к молодому человеку, которого она выбрала, и подруга несмело вручила ему платок. Паренек таким выбором был, мягко говоря, ошарашен. Лицо взволнованное, глаза недоуменно моргают, а сам и слова вымолвить не может, будто язык к нёбу прирос.

– Надеюсь, я могу доверить вам подругу? – обратилась к юноше, дабы развеять возникшую неловкость.

– Да, конечно, – тут же отмер блондин и чересчур поспешно, будто боялся, что мы передумаем, приложился к пальчикам Натали коротким поцелуем. После подхватил мнущуюся девушку под локоток и повлек прочь от шумной толпы.

Подруга оглянулась и бросила на меня растерянный взгляд. Ох, ну что ж она такая перепуганная? Будто ее на виселицу ведут.

Тяжко вздохнула и в два шага догнала удаляющихся молодых людей.

– Позвольте, я заберу подругу на пару слов?

Юноша вежливо отступил, позволяя нам немного пошеп-

таться.

– Нати, не волнуйся. – Аккуратно заправила ей за ушко выбившийся светлый локон. – Если ты не захочешь, ничего не будет. Достаточно лишь намекнуть. Можете просто поговорить или поцеловаться, идти до конца вовсе не обязательно, поняла?

Натали кивнула и, кажется, немного расслабилась. Пожалуй, я сделала все, что смогла, дальше все зависит лишь от нее.

Передала Натали кавалеру и, не дожидаясь, пока они удалятся, направилась к Грену. Решительно и крайне спешно. И такая спешность была оправдана. Поднесенную к губам кружку я выхватила прямо из рук мужчины. Вернула ее на стол и стряхнула с пальцев капли расплескавшегося напитка.

Под всеобщие изумленные взгляды выудила из декольте алый платок и затолкала в нагрудный карман мужского кителя. Чтоб уж наверняка. Ну и раз уж начала с наглости, решила придерживаться этой линии поведения. Схватила ошалевшего гвардейца за руку и сама потащила к лестнице. Впрочем, оставаться ведомым мужчина не пожелал. Спустя несколько шагов поравнялся со мной и уже сам повел к комнатам.

Провожали нас бурно. Кто свистом, кто хохотом, кто звучными аплодисментами. Сам же Грен, пока шли, не проронил ни слова. Зато стоило двери маленькой комнатки хлопнуться, как мужчина тут же спросил:

– Что за игры у вас такие?

Грен глядел на меня исподлобья, с легким прищуром и подозрением, читавшимся в зеленых глазах. Да и поза его была отнюдь не дружелюбной – руки скрещены на груди, а сам опирается спиной о дверь, показывая, что в любой момент готов уйти.

Вот только меня такой позой с толку не собьешь. А потому продолжаем двигаться намеченным курсом.

– Игры? – якобы непонимающе изогнула бровь. – Это у Марты игры. Мои же намерения вполне прозрачны. – Неспешно двинулась к мужчине, коснулась рукой часто вздымающейся груди и начала одну за одной расстегивать тугие пуговицы кителя. – Я просто хочу получить удовольствие, – без стеснения поведала брюнету и, распахнув полы верхней одежды, коснулась его ремня.

Мужчина неотрывно следил за каждым моим движением. В игру не вмешивался, но и предпринимать ответных действий не спешил.

– Ну и если наша... зазнайка немного поревнует, лишним не будет, как считаешь?

Теперь уже Грен усмехнулся. Кажется, идея пришла ему по вкусу. Он окинул меня долгим тягучим взглядом, потом подался чуть вперед и решительно обхватил за талию.

– Согласен. Только в постели я привык главенствовать, – сразу предупредил брюнет.

– Как пожелаешь, – легко согласилась я, решив, что опыт-

ному мужчине можно и уступить.

Как поняла позже – правильно сделала. С Греном даже притворяться не пришлось. Не люблю расстраивать мужчин, им и так достается слишком мало женской ласки. А потому зачастую немного подыгрываю. Мне ведь не трудно. Застонать где надо, вскрикнуть пару раз, охнуть, губу прикусить якобы от нетерпения. Мелочи, а им приятно. От меня еще ни один мужчина не уходил неудовлетворенным.

Сейчас же все было иначе. Стоны сами срывались с губ, и тело плавилось в жарком пламени вспыхнувшей страсти. Грен был напористым, нетерпеливым, грубоватым. Он лишь брал, не думая ничего давать взамен. Пытался заглушить обиду, стереть разочарование и в какой-то мере отыгаться. Маленькая месть за раненное чувство. За оскорбленное достоинство и несбывшееся чаяние.

И все это он вымещал на мне. Каждым толчком, каждым касанием, каждым жестким поцелуем, больше походившим на укус.

А меня это лишь заводило. Еще больше распяляло и заставляло сильнее выгибаться в его руках. Никогда не знала, что такое близость после ссоры. А теперь поняла. Пусть ссора была и не со мной.

Да, все же Марте повезло. Грен – превосходный любовник. И наверняка умеет быть другим. И сдержанным, и нежным, и внимательным. Почему-то это не вызывало сомнений. Проскальзывало иногда нечто такое, что явно предна-

значалось не мне.

Мельком проскочил укол ревности. Совершенно глупой и иррациональной. Но тут же был вытеснен волной других ощущений. Ярких, острых, желанных. Тело прорезала сладкая судорога, и перед глазами вспыхнули разноцветные звезды, чтобы спустя несколько мгновений мягко угаснуть, впитаться в кожу, разливая умиротворение и тихое блаженство.

Надолго задерживаться я не стала. Как только схлынули ощущения и сознание прояснилось, поднялась с постели, хорошенько потянулась и, опрокинув в себя бутылек противозачаточной микстуры, стала неспешно одеваться. Кружевное белье, чулки, подвязки. Порой облачение может быть не менее эротичным, чем раздевание. И взгляд Грена, скользивший по фигуре, был тому подтверждением. Мужчина молча наблюдал и лишь перед самым моим уходом спросил:

– Я могу надеяться на продолжение... знакомства?

– Шутишь? – Я от неожиданности даже от зеркала оторвалась.

– Так и думал. – Кажется, брюнет ничуть не был огорчен отказом.

Вот и славно. Не терплю приставучих ухажеров. Хоть я и не даю мужчинам повода думать, будто заинтересована в дальнейшем общении, находятся такие, которые даже после непрозрачных намеков продолжают мозолить глаза.

Нет, может, когда-нибудь я и захочу продолжить знакомство, но пока подобного не случилось. А давать кому-то пу-

стую надежду слишком жестоко.

Спустившись вниз, встретила полупустой зал. А всего-то час времени прошел. Впрочем, после нашего ухода большинству посетителей не было смысла задерживаться.

Услужливый мальчишка у входа помог облачиться в верхнюю одежду. На улице еще больше похолодало. Мороз обжег лицо. Мелкими колючими иголочками прошелся по коже, и я поспешила натянуть перчатки и поднять воротник пальто. Ну и зима нынче. Просто лютая.

А снега и правда пшик. Так, чуть припорошило землю, и ледяной налет блестит в свете уличного фонаря. А ветер почти улегся. Щеки хоть и щиплет, но уже не швыряет в лицо ледяную крошку, и то хорошо. Но все равно надо поспешить. До Общины путь неблизкий, а извозчика в такое время найти сложно.

Осторожно ступая по заметенной дорожке, пошла вдоль по улице. Хотелось шагать быстрее, а лучше пробежаться, чтобы не замерзнуть. Но верхний слой невесомого снега тонок и ненадежен. И под ним наверняка кроется гололед. Так что лучше не спешить, чтобы не поскользнуться ненароком.

Дома вокруг стоят сонные, замерзшие, как и все вокруг. Покрытые тонкой ледяной коркой. Окна темные, редко где горит свет. Да и тот почти не пробивается сквозь плотно задернутые шторы. Зато фонари у крыльца везде светят ярко. И кажется, что свет этот разгоняет холод.

А прохожих на улице никого. Спят в своих кроватях или греются у каминов. Видно, как из печных труб валит густой дым, светло-серый на фоне темного неба. Вокруг тишина, лишь изредка трещат деревья да снежная крошка хрустит под ногами.

И вдруг издалека донесся конский цокот. И вскоре из тьмы выплыли силуэты двух всадников. Конная жандармерия.

– Доброй ночи, анья. – Офицеры остановились, и один из них спешился.

Мужчина был закутан в длинный, по колено, тулуп из овечьей шерсти, перехваченный широким кожаным ремнем, на котором болталась весьма устрашающая сабля. Холодный металл покрылся тонким налетом изморози и мягко мерцал в свете луны, неудержимо притягивая к себе взгляд.

– В Общину направляетесь? – спросил жандарм и, получив утвердительный ответ, поспешил предложить помощь: – Время позднее. Может, вас проводить?

– Спасибо, господа. Не стоит. Здесь совсем недалеко.

Можно было, конечно, воспользоваться предложением, но идти и правда недалеко. Всего-то свернуть в узкий проулок, пересечь квартал, и через пару домов я бы оказалась у родной Общины. А верхом придется делать крюк. Да и не хотелось лишний раз утруждать жандармов. У них своя работа. Хотя городок у нас спокойный, и к чему проводить эти ночные патрулирования – ума не приложу.

– Что ж. Не смею настаивать. Но будьте аккуратны. Гололед все-таки.

Поблагодарив молодых людей за участие, продолжила путь. Спустя пару дворов свернула в узкий проулок. Здесь было куда темнее, чем на центральной улице. И снегу намело больше. Но я не переживала. Дорога была хорошо знакома.

Я уже представляла, как доберусь до своей комнаты, укутаюсь в любимый мягкий плед и с кружкой горячего чая, а может, даже глинтвейна, устроюсь в кресле перед жаровней. Возьму почитать какой-нибудь приключенческий роман и до самого рассвета стану неспешно листать пожелтевшие страницы да слушать треск сухих поленьев. В общем, мыслями я была уже дома, а потому большая крытая повозка, преграждавшая выход из проулка, стала для меня полной неожиданностью.

Сначала я не поняла, в чем дело, а потому даже шага не замедлила. Когда же возле повозки возникли два мужских силуэта, стало немного не по себе. Люди о чем-то переговаривались, но слов было не разобрать, разве что тон голоса казался раздраженным. А еще мужчины явно спешили. Один из них рывком открыл дверцу и одной ногой шагнул внутрь повозки. В этот момент появилось третье действующее лицо. Здоровенный парень тащил что-то за собой. Точнее, не что-то, а кого-то... Его ноша извивалась, перебирала ногами по скользкий дорожке, руками пыталась достать до лица своего угнетателя. На миг похититель ослабил хват, и жертва, осво-

бодившись, выкрикнула:

– Помогите!

Голос оказался женским. Да и фигура. Я только сейчас заметила.

Мать Прародительница!

Внутри все похолодело. Я замерла, тяжело дыша и стараясь не двигаться.

– Помоги ему, чего стоишь! – шикнул на товарища тот, что в повозке, и голос его, полный шипящих звуков, испугал еще больше, чем крик несчастной.

Я медленно попятилась назад, желая лишь одного – слиться с тенью дома, затаиться и переждать в безопасности.

Меня выдал хруст снега. Даже не снега. Сломанная корка льда под пуховой насыпью. Все трое мгновенно повернулись ко мне. Нечеловеческие глаза главаря сверкнули во тьме. Секунда, и он исчез. Просто слился с поверхностью повозки, а у меня сердце ушло в пятки. Не раздумывая, я подхватила полы пальто и бросилась наутек.

– Хватайте ее! – последовал немедленный приказ, и сзади послышался топот ног и хруст сминаемого снега.

Пульс грохотал в висках. Холодный воздух обжигал легкие. Я бежала что есть мочи, молясь лишь о том, чтобы не поскользнуться. Не упасть. Иначе меня ждет участь той девушки.

Судорожно оглянулась. Преследователи буквально наступали на пятки. Еще не схватили лишь потому, что в узком

проулке им двоим не развернуться. Мужчины толкались, задевали друг друга локтями. Здоровяк был неповоротлив. Мелкий казался шустрой, но бежал он странно – прихрамывал на одну ногу. Вскоре кто-то из них достал меня. Коснулся рукой локтя, пытаюсь схватить, но я резко вырвала руку, и сзади донеслась приглушенная ругань. Обернувшись, я поняла, что хромой растянулся поперек дороги, преграждая проход подельнику. Слава Матери Прародительнице, гололед меня спас!

А потом до меня вдруг резко дошло, что я могу кричать. Где-то там, на центральной улице, совершал объезд патруль. Возможно, они не успели далеко уехать.

Крик получился сиплым. Воздуха не хватало, горло драгло, но я повторила попытку. Поглубже вдохнула, пытаюсь не обращать внимания на боль в груди, и заорала что есть мочи:

– На помощь!

Голос разлетелся во все стороны, отразился от каменных стен и эхом заметался по проулку.

Пожалуйста, услышьте меня! Хоть кто-нибудь.

Глава 2

Рейнар

Вокруг смотровой башни лютовал ветер. Бешеные порывы бросали в лицо колючее ледяное крошево, скользили за меховой воротник, кусая шею и мочки ушей. Порой мне казалось, что студёные щупальца пробирались даже сквозь швы длинного, подбитого мехом пальто и холодили сквозняком спину. Я пошевелил пальцами, разгоняя кровь, и с интересом посмотрел на сопровождающего.

Сегодня дежурили несколько новобранцев, и этот, сжимающий в руке факел, что так и норовил задуть ветер, не был исключением. Совсем молодой, с покрасневшим носом-картошкой, на кончике которого уже успело появиться белое пятнышко. Но ничего, мальчишка держится. Чему я, в общем-то, не удивлен – в пограничный гарнизон принимают самых лучших, отлично зарекомендовавших себя солдат из городской стражи. Только больно уж он молод для героя.

– Как твое имя, дозорный?

– Рихельм, ингирвайзер. Рихельм Коаль. Приступил к службе в первой четверти зимы.

Отрапортовал четко и глаз не отвел.

– За какие заслуги удостоился места в гарнизоне?

Показалось или и без того тронутые морозом щеки заале-

ли еще ярче?

– За спасение ании.

Я заинтересованно поднял бровь – одну, второй вернуть подвижность не смогли даже золотые руки доктора Орфина.

– Покушение на жизнь?

– Скорее на... достоинство. – Коаль пожал плечами и опустил взгляд к утопанной дорожке, по которой вилась едва различимая поземка.

Я мысленно скривился, стараясь не показать разочарования, накатившего пополам с раздражением. Ну а чего я ждал? С окончанием войны пятнадцать лет назад пора настоящих подвигов миновала, а солдатские заслуги все чаще измеряются теперь мерой испуга очередной вертихвостки.

– В дозоре все спокойно? – уточнил я, бросив взгляд на размытое облачко Перехода, переливающееся всеми оттенками синего и зеленого. Будто северное сияние.

– Ничего подозрительного не заметили. Группа с обходом ушла с полчаса назад – постовой сказал, что идут по маршруту, без отклонений. Диких зверей тоже не видно.

– Отлично, – я коротко кивнул дозорному. – Надеюсь, служба в гарнизоне пришлась вам по душе. Идемте в караулку. И, Коаль, разотрите нос, служебное рвение воистину не требует обморожений.

Парень поспешно прижал руку в толстой кожаной перчатке к лицу, и я с трудом расслышал его за порывами ветра:

– Слушаюсь, капитан Фрей. Прошу оказать честь и пер-

вым пройти в караульную.

Мне показалось или в глазах паренька действительно промелькнуло обожание? Решил, что отцом родным о нем пекусь? Ерунда, меня всего лишь заботит боеспособность гарнизона. Я резко развернулся и пошел к массивной дубовой двери, ведущей в теплое нутро караулки. Как же, герой войны, великий Рейнар Фрей! Кто бы знал, что я ненавижу такие восторженные взоры даже больше, чем страх, что испытывают простые горожане, глядя в мое обезображенное лицо.

В караульной ярко горел очаг. Прямо перед ним сушились чьи-то разношенные сапоги, наполняя помещение терпким духом мокрой кожи. Вот только тепла хватало ненамного – каменные стены дозорной башни словно навечно вобрали в себя стужу минувших зим. С моим появлением сидевший за столом старый вояка повернул голову и усмехнулся:

– Хороша погодка, а, ингирвайзер?

Подтрунивает, как обычно. Я плюхнулся рядом и скинул капюшон. Страж подвинулся и принялся сооружать самкрутку короткими, но неожиданно ловкими пальцами. Я знал этого человека еще со времен, когда сопляком поступил в городскую стражу, – тогда, тыщу лет назад, до войны.

– В самый раз для прогулок.

Коаль протопал к очагу и снял с огня котелок. Раскидал по кружкам щепотки травы, плеснул кипятка.

– Тоже беспокоишься? – Ветеран выпустил к закопченно-

му потолка сизую струйку дыма.

– О чем, Виттор?

– Неладно на границе в последнее время. Или не чувствуешь?

Он почесал небритую щеку, а я подтянул к себе кружку и принялся отогревать заочевенные ладони.

– Я верю только фактам.

– Тогда вот тебе факт. Зверье пропало. Раньше по зиме как в дозор пойдешь, хоть зайца да встретишь, а нынче? Даже по ночам волчьего воя стало не слышать.

– Что-то еще?

– Не знаю, как другим, – Виттор задумчиво пожевал самокрутку, – мне Переход покоя не дает. Раньше мерцал ровно, а в последнюю неделю нет-нет, да и словно рябью подернется.

– Может, мороз играет? – Я прихлебнул пахнувший травами напиток.

– Или глаза, – добавил сидящий напротив новобранец.

– У меня глаза получше твоих будут, щенок! – рыкнул на Коаля ветеран и, повернувшись ко мне, нахмурился: – Сам знаешь, что не играет. Я неприятности нутром чую.

Виттор, что ни говори, часто оказывается прав. То ли дело в почти зверином чутье, которым обладает старый вояка, то ли в умении подмечать мелочи, то ли вовсе в каком непонятном даре, но к ветерану прислушиваются. Я обернулся к новобранцу:

– А ты что скажешь?

– Дозоры ничего особенного не видели, капитан. Хотя с

обходом дважды в сутки выбираются. В последний раз портал в рощице у озера открылся, с месяц назад, но вы о том знаете. Переход же стоит взаперти, как обычно.

Виттор глубоко затынулся и презрительно сплюнул на пол:

– Слушай больше, ингирайзер. Этих молокососов Хамелеон под зад пнет – и то не заметят.

Коаль дернул щекой и, порывисто поднявшись, отправился в угол, полоскать чашку в умывальнике. Я задумчиво проводил парня взглядом. Конечно, я был в курсе того случая, когда группа ингиров попыталась прорваться в наш мир, сам же возглавлял погоню. Благодаря Ключу – так мы привыкли называть трофейный механизм времен войны – я всегда заранее знал, в каком месте начинает истончаться ткань мироздания, отделяющая наш мир от Эвры. И нам с дозорной группой обычно хватало времени добраться до места и закрыть намечающуюся брешь. Но иногда, как и вышло месяц назад, Ключ срабатывал не так, как нужно, а может, ингиры как-то умудрялись ускорить открытие. В любом случае, когда мы прибыли к portalу, он уже полностью разомкнулся, а после схватки пара уцелевших эврийцев попыталась затеряться в лесу и снеге. Погода стояла отвратительная, и если бы не зоркий глаз одного из моих арбалетчиков, точно ушли бы.

– Ты с ученым-то своим поговори, ингирайзер. Пусть ухо остро держит.

– Он не подведет, – заверил я. – Если что заметит, тут же

примет меры.

– Ну-ну, – скептически протянул Виттор и щелчком зашвырнул окурок в очаг.

А я подумал, что месяц – достаточный срок для того, чтобы ингиры подготовили еще какую-нибудь пакость. В то, что они отступились и прекратили попытки проникнуть в наш мир, я не поверю никогда. Посмотрел на упрямую спину ветерана и негромко произнес:

– Будьте начеку. В лаборатории предупрежу. Попрошу провести новые расчеты.

Виттор удовлетворенно кивнул и, кажется, собрался еще что-то сказать, но тут заскрипела дверь. Из соседней комнаты в караулку ввалился юноша-радист в меховой безрукавке поверх шерстяного одеяния и в меховых же сапогах. В руках он держал длинную бумажную ленту. Подслеповато прищурился, удовлетворенно кивнул и простуженным голосом прохрипел:

– Капитана Рейнара Фрея тотчас требуют в управление городской стражи. Код двадцать четыре, красный.

Я махом подобрался, рассеянную задумчивость как рукой сняло. Вторым десятком исчислялись дела, связанные с иномирными вторжениями, а красный цвет означал, что мчаться в управление придется на самой большой скорости. Виттор присвистнул и назидательно поднял палец, точно неизвестный вызов подтверждал правоту ветерана.

– Разберемся. – Я встал со скамьи, запахивая пальто. Ко-

ротко свистнул.

Из-под широких нар, на которых обычно отдыхали караульные, послышался утробный звук, переходящий в скулеж, и на свет, отчаянно зевая, показалась башка снежного волкодава. Айна выбралась, отряхнулась и, процокав по половицам, подошла, ткнулась носом мне в ладонь. Я потрепал ее по холке и, кивнув дозорным, направился к выходу.

До города добрался, когда на небе зажглись те самые пронзительные зимние звезды, от одного взгляда на которые становится еще холоднее. Оставил в конюшне лошадь и собаку, а на пороге управления столкнулся с комиссаром Катраном. Мы переглянулись, пожали друг другу руки и промолчали. И без разговоров было понятно, что привело нас сюда среди ночи одно и то же дело, суть которого вот-вот станет известна.

Ввалившись в жарко натопленное помещение, я привычно поморщился от ринувшегося навстречу потока тепла. Резкие перепады температуры всегда не лучшим образом сказывались на моей коже – рваные раны начинало щипать, и лицо словно раздирало на части. Но ничего, надо всего лишь перетерпеть минуту-другую. Я давно приноровился не показывать людям своих чувств.

К слову, далеко не все в управлении обладали подобной выдержкой. Пока я пробирался узкими коридорами, поймал парочку брезгливых взглядов недавно поступивших на служ-

бу жандармов. Не скажу, чтобы это сильно задело, – за годы уродства я привык не обращать внимания на подобную реакцию окружающих. Куда хуже было то, что из-за двери кабинета комиссара доносился взволнованный женский голос. Интересно, дамочка сразу грохнется в обморок, увидев чудовище, или сначала закатит истерику?

Я посторонился, пропуская вперед Катрана, вошел следом и задержался на пороге, стаскивая пальто и разглядывая посетителей. Посреди кабинета, прислонившись бедром к заваленному бумагами письменному столу, стоял мой добрый знакомый Тенрилл Дорсан. Ветеран войны, как и я, он за годы нашей дружбы умудрился взлететь аж до поста начальника службы безопасности. Скрестив руки на груди и уставившись в пол, Тенрилл внимательно слушал собеседницу. Обладательница взволнованного голоса сидела боком к двери, на узком диванчике, обитом потертой шпалерой. Она как раз говорила что-то о трактире и перечисляла имена. Я отметил пышные темные волосы, в беспорядке рассыпанные по плечам, и втянул носом легкий запах духов, так не вяжущийся с казенной обстановкой управления. Эти двое настолько увлеклись разговором, что, похоже, не заметили нашего прихода. Комиссар Катран негромко кашлянул.

Женщина наконец-то замолчала и обернулась. Ее заинтересованный взгляд скользнул по комиссару, потом переместился на меня, и красивое лицо исказила гримаса отворачивания. Чего, собственно, и следовало ожидать. Дамочка, к ее

чести, быстро справилась с эмоциями и вопросительно приподняла темную бровь.

– Вы быстро, это хорошо. – Тенрилл выступил вперед и по очереди пожал нам руки.

– Роксана, позволь представить – комиссар Винсан Катран, начальник управления. А это капитан Рейнар Фрей, куратор инородных вторжений. Следит за тем, чтобы Хамелеоны не проникли в Солькор.

Во взгляде Дорсана читалось напряжение. Похоже, девица умудрилась вляпаться во что-то серьезное. Ну, хорошо хоть не вопит, хотя смотрит так, что прямо подмывает в отместку скорчить зверскую рожу. Я вздохнул и приказал себе думать о работе. В конце концов, раз вызвали именно меня – дело как-то связано с Хамелеонами.

Я прошел к окну и присел на подоконник – спиной к свету уличных фонарей и подальше от масляной лампы на столе. Молча стянул перчатки и выжидающе уставился на Тенрилла.

– Похоже, анья Эдан стала свидетельницей вторжения.

Я скептически хмыкнул. Даже учитывая домыслы Виттора, мне не верилось, что Ключ, служивший столько лет верой и правдой, мог беспричинно выйти из строя и не оповестить об открытии портала. Тем более что Аларик ежемесячно проверяет механизм. Скорее дамочке с испугу что-то привиделось.

– Господин комиссар, – обратился Тенрилл к Катрану, –

мне жаль, что вам пришлось приехать среди ночи, но это дело явно вне юрисдикции городских дознавателей... Все материалы будут переданы капитану Фрею, а расследование происшествия будет проводиться под статусом секретности.

– Мне выйти? – прозорливо отозвался комиссар.

– Нам еще понадобится ваша помощь, Винсан. Личная. – Тенрилл послал мужчине дружелюбную улыбку.

– Позовите, когда понадобится.

Коротко стукнула дверь, и я услышал, как друг глубоко вздохнул.

– К чему подобная осторожность?

Не то чтобы я не доверял Дорсану, специалистом он был отличным, просто раньше стражи границы всегда работали в тесной связке с дознавателями.

– Есть причины, но о том позже. Мне бы хотелось, чтобы для начала ты узнал все, что рассказала мне анья Эдан.

Я прислонился затылком к холодному стеклу, прикрыл глаза и приготовился слушать, втайне радуясь, что мое лицо скрыто тенью. Чем меньше отвлекается свидетельница, тем больше подробностей вспомнит.

– Роксана? – мягко пригласил Тенрилл, и мне в первый раз подумалось, что же связывает моего друга и эту женщину?

– Рилл, я ведь уже все тебе рассказала. К чему повторяться?

Я коротко усмехнулся. Пожалуй, наша дорогая гостья и не предполагает, что повторяться уже начала. Правда, немно-

го в ином смысле – свидетели, все как один, страшно не любят пересказывать неприятные события. Боятся вымазаться в грязь? К сожалению, работа дознавателя порой напоминает труд золотаря, и тогда раз за разом копаешься в «нечистотах». А дознавателем мне приходится выступать часто. Я вздохнул и открыл глаза.

– Аня Эдан, – постарался, чтобы голос звучал ровно и не выдал накотившего раздражения, – есть хорошая поговорка про две головы, которые вместе думают лучше. Вполне возможно, что, слушая ваш рассказ, я замечу нечто, что мог упустить, при всем моем уважении, господин Дорсан. Вовсе не потому, что я умнее, просто опыт у нас разный, да и направления работы отличаются. Так в какое время произошло событие, о котором вы говорили?

– Ну... Я точно не помню. Где-то около полуночи. Я вышла из таверны «Плакучая Ива» и направилась к Общине. Там недалеко, и дорогу я обычно срезаю через проулок. Вот и сейчас... Это место всегда было безопасным, я и не думала, что...

Она всхлипнула и приложила платочек к носу.

– Все хорошо. – Тенрилл мягко похлопал свидетельницу по руке и вытащил из внутреннего кармана кителя серебряную фляжку.

Отвинтил крышечку, нашел на комиссарском столе высокий стакан и плеснул туда янтарный напиток. Ноздри защекотал запах хорошего коньяка. Аня благодарно кивнула, а я

в очередной раз подивился, сколь самонадеянны эти женщины. Интересно, кто вбил им в головы мысль о собственной неприкосновенности? Ходят ночью по малолюдным местам, пребывая в святой уверенности, что преступник непременно падет ниц и раскается, увидев томный взгляд прекрасных глаз. Впрочем, что и говорить, волос долог, а ум...

– Аня Эдан, так что там произошло?

– Я свернула в проулок. А там... повозка стояла. Преграждала выход. И мужчин двое. Точнее, трое. Третий – здоровяк. Высокий, крупный, словно медведь. Он девушку держал. Точнее, я не сразу поняла, что девушку. Но она вскрикнула и попыталась вырваться. А те крепко держали.

– Почему не сразу опознали девушку?

– Так я их издали увидела. Сначала не разобрала, что к чему. Да и света не так много было. Только луна.

– Так вы сумели разглядеть жертву?

Женщина покачала головой, сделала судорожный глоток, и я заметил, как подрагивает тонкая рука.

– На ней был плащ с капюшоном.

– А нападавших? Лица, одежду? – Потом коротко покосился на хмурого Тенрилла и осторожно уточнил: – Они были похожи на людей?

– Двое – да. Здоровяк и еще второй. Коротышка. Хотя не так чтоб уж совсем коротышка, но на фоне товарища смотрелся сущим карликом. Он еще прихрамывал на правую ногу. Хотя бежал быстро. Ловко управлялся, несмотря на хро-

моту. Третий же...

Свидетельница запнулась и закусила губу. Глянула растерянно сначала на меня, потом на Тенриллу, словно искала в нем поддержки.

– Вы, наверное, подумаете, что я умом тронулась. Но это не человек был. Его глаза... в темноте светились. Знаете, как у кошки. И еще... он меня когда увидел... исчез.

Я соскочил с подоконника и направился к столу, мимоходом отметив, как испуганно отшатнулась женщина. Рывком открыл ящик, придерживав жалобно звякнувший графин. Вытащил очередную кипу бумаг – комиссар, к слову, особой аккуратностью не отличался – и принялся искать карту города. Помню, что хранилась она где-то здесь.

– Аня Эдан, так что в итоге с девушкой?

– В повозку втолкнули. Этот... который Хамелеон, он за мной гнаться не стал. Приказал подельникам догонять. А сам с похищенной остался. Мне так кажется.

Пожелтевший и изрядно потрепанный кусок пергамента нашелся наконец в кипе конвертов. И, разворачивая на столе карту Солькора, я поинтересовался:

– Скажите, анья, а как вам удалось уйти от погони?

Свидетельница напряженно выпрямила спину.

– Вы меня в чем-то подозреваете? – Она вскинула голову, и в прищуренных зеленых глазах промелькнуло возмущение.

– Вообще-то я всегда всех подозреваю, – усмехнулся я. –

Такая уж у меня работа. Но сейчас просто хочу видеть полную картину происшествия.

Протянул карту, стараясь держать за уголок, чтобы не соприкоснуться пальцами со свидетельницей:

– Покажите, где произошло похищение и куда вы потом отправились.

А у самого в голове промелькнуло: «Надеюсь, что все же не убийство».

– Ваши подозрения неуместны! – Свидетельница сделала вид, что не замечает мой жест, и скривила губы. – Еще немного, и я могла оказаться на месте той девушки!

– Но ведь не оказались же?

– Не оказалась только потому, что на дорогах наледь! И этот громила неповоротливый поперек проулка растянулся и товарища своего сбил. А если б не поскользнулся...

Аня всхлипнула, а я поморщился. Терпеть не могу, когда женщины плачут. И вроде знаешь, что происходит это чаще от чувствительности их натуры, а все равно откуда-то из глубин естества всплывает первобытная потребность защищать. Вон и Генрилл вздохнул сочувственно, достал из нагрудного кармана чистый платок и протянул свидетельнице. А потом ободряюще провел ладонью по плечу:

– Успокойся, Рокси. Самое страшное позади, и теперь тебе нечего бояться. Мы с капитаном Фреем приложим все силы, чтобы раскрыть преступление.

– Но сначала вы должны понять, что и мы нуждаемся в

вашей помощи. – Я снова протянул карту: – Так где это случилось?

Женщина аккуратно промокнула носик, придержала угол пергамента и внимательно посмотрела на план города:

– Примерно здесь. Рядом с Общиной.

Я задумчиво кивнул. Пожалуй, стоит поинтересоваться, не исчезла ли оттуда воспитанница. И чем скорее в управлении получат описание девушки, тем больше шансов ее найти.

– Анью Эдан привез городской патруль. – Тенрилл заглянул в карту через мое плечо. – Ей повезло наткнуться на них вот тут. Рей, нужно съездить на место, посмотреть, не осталось ли улики.

– Нам? – Я удивленно покосился на сосредоточенный профиль друга. – Может, все же стоит поручить это дело дознавателям? Откровенно говоря, я собирался проверить показания Ключа и отправиться на поиски портала.

– Это тоже нужно сделать. Отойдем в сторонку, есть разговор.

Краем глаза я заметил, как нахмурилась свидетельница, однако промолчать ума у нее хватило.

Мы вошли в небольшую комнату – пахнувший пылью архив по соседству с кабинетом. Дорсан, не зажигая лампы, прикрыл дверь, оставив тонкую щель света, и негромко спросил:

– Ты ничего странного не заметил в описании нападав-

ших?

– Ну, если ты считаешь появление Хамелеона в городе делом вполне обычным...

– Рей, кончай умничать. Я о людях.

Я задумался, потирая подбородок. Хромоногий коротышка и здоровяк-медведь – весьма колоритная пара. И если описание первого подозреваемого оставалось для меня просто описанием, одного огромного детину я знал точно. Более того, являлся тот не кем иным, как жандармом того самого управления, в котором мы сейчас находились. Досадно, что эта мысль не пришла мне в голову раньше. Неужели стал терять хватку? Я скрестил руки на груди и с досадой ругнулся под нос.

– Понял наконец, – с удовлетворением произнес Тенрилл.

– А комиссар? Подозреваешь, что тоже замешан?

– Вряд ли, но проверить не мешает. Мои люди займутся.

И если он непричастен, введем его в курс дела, пусть сам выводит подчиненных на чистую воду.

– То есть ты хочешь сказать, что вести это дело будем мы вдвоем?

Тенрилл помолчал, а потом ободряюще похлопал меня по плечу:

– Откровенно говоря, я рассчитываю на тебя. Завтра... вернее, уже сегодня, мне придется уехать из Солькора. Служба, прямой приказ наместника. Но дам тебе одного человека – неофициально. Можешь задействовать его для сбора

деликатной информации. И да, у него много полезных знакомств.

– Я могу взять в помощь стражей границы. Проверенных.

– Да, ты не потянешь все в одиночку.

Темный силуэт сдвинулся, Тенрилл негромко кашлянул и продолжил:

– А еще у меня для тебя есть особое поручение.

– Ну?

– Я хочу, чтобы ты присмотрел за аньей Эдан. Согласись, оставлять ее без охраны опасно.

– Хорошо. У меня есть надежный человек.

Я вспомнил Виттора. Он хоть и не первой молодости, но любому сунувшемуся не по делу способен задать серьезную взбучку. От дозоров ветерана пока можно освободить, а его супруга сможет составить анье Эдан подходящую компанию. Чем они там занимаются в свободное время? Вышивкой и музицированием? Мои размышления прервал напряженный голос Дорсана:

– Охранять ее будешь ты.

Я ошарашенно посмотрел на друга, пытаюсь различить его лицо в полумраке. Он что, умом двинулся? И вправду думает, что я стану вместо закрытия порталов служить нянькой при капризной анье?

– Какого хрена? Я тебе не мальчик на побегушках, чтобы подтирать сопли капризным барышням.

– Рей, – рука Дорсана весомо легла мне на плечо, – ты

единственный, кому я могу доверять в этой ситуации.

– Ерунда. Свет на мне клином не сошелся, и, как я говорил, есть подходящий человек.

– Подходящий, может, и есть, но ты – лучший. Лучше всех знаешь ингиров, понимаешь, на что они способны. Только под твоим надзором я могу быть спокоен, что Рокси в безопасности.

Снова «Рокси». Прелестно. Всю жизнь мечтал быть опекуном чьей-то любовницы.

– Интересно, когда эта вертихвостка успела вскружить тебе голову, Рилл? Если так печешься о ее безопасности, зачем едешь по делам, сучье вымя тебе в рот?!

Я в раздражении скинул его руку и сделал шаг назад, рискуя упереться в заваленные документами старые шкафы. Тень Дорсана с размаху стукнула себя по голове.

– Совсем сбрендил? Она – моя кузина! Как думаешь, почему я первым примчался на вызов?

– Что ж ты раньше не сказал? – Я почувствовал себя полным идиотом и еще больше разозлился.

– Честно говоря, не придал этому значения, – слегка замялся Рилл, а потом кашлянул, и мне послышался виноватый оттенок в его голосе: – Рей, мне невозможно не ехать, от этого зависит безопасность Антреи. Считай охрану Роксаны моей личной просьбой.

– И все равно. Ты понимаешь, что я просто не смогу одновременно вести дело и сторожить свидетельницу?

– Тебе и не надо ее сторожить. Пускай просто поживет у тебя.

Поначалу я подумал, что мне послышалось. Но Рилл кивнул, подтверждая свои слова.

– Ты что... Ты это всерьез?! – Я почувствовал, что еще немного, и сорвусь. Не хватало еще, чтобы мой кулак впечатался в физиономию начальника службы безопасности. – Две недели под одной крышей с истеричной бабой?! Да я лучше сотню ингиров за грань собственноручно выкину! Извини, но тащить к себе домой эту девицу я не стану, пусть она хоть трижды твоя кухня!

– Откуда в тебе эта ненависть к женщинам, Рей? Неужели после того случая...

– Не начинай! Что было, то прошло... Раньше и трава была зеленее, и воздух чище, и вообще... Сами виноваты... Вырастили себе на голову нахлебниц, посадили на шею и носимся, точно со стеклянными вазами, – лишь бы не разбить.

– Ты прекрасно знаешь, почему это происходит, Рей. Как думаешь, какое нынче соотношение женщин и мужчин?

– Один к десяти? – смело предположил я.

– Уже к одиннадцати! – Ну, почти угадал. – И ситуация лишь ухудшается.

– Так давно пора согнать их всех в одно место, запереть... и пускай рожают. Все равно больше ни на что не способны. А вы что? Прыгаете вокруг, точно племенные самцы в период гона, красуетесь, унижаетесь, надеясь, что до вас снизойдут.

Жалкое зрелище. Даже перед шлюхами и перед теми стелеться! Не противно?

Я подумал, что мою возмущенную речь скорее всего слышно в соседней комнате, и на короткое мгновение даже пожалел о своей несдержанности. Но, с другой стороны, я не обязан беречь нежные ушки незнакомой девицы. Тенрилл, похоже, подумал о том же. Отступил, и щель, сквозь которую в архив просачивался свет, пропала.

– Ты действительно такой дурак? Или настолько окопался в своем собственном мирке, что и знать ничего не хочешь? Женщин потому и мало, что девочки рождаются только в любви! Как ты думаешь, если мы станем насильно заставлять их рожать, долго ли просуществует Антрея?

– Ерунда! – Я упрямо тряхнул головой. – Сказки, придуманные теми же бабами, дабы оправдать собственный паразитизм!

– Эти, как ты говоришь, сказки имеют массу подтверждений. Девяносто процентов девочек рождаются в браке – я сам видел статистику. Подвернулась как-то возможность покопаться в архивах. Кстати, знаешь, что интересного я выяснил? – Тенрилл сделал паузу, верно, дожидаясь моей реакции. Но я не проявил должного любопытства, а потому друг продолжил сам: – Все эти проблемы с рождаемостью, а точнее, с уменьшением количества девочек, начались с тех самых пор, как открылся первый портал с Эвры. Сначала колебания были незначительны, и им не уделили должного вни-

мания. Но постепенно ситуация становилась все более серьезной. И сейчас... Каково положение дел сейчас, ты и сам знаешь.

Да, знаю. И данные Тенрилла, признаться честно, меня взволновали. Если наше вымирание напрямую связано с вторжением ингиров... Да еще это похищение... Интересно, первое ли? В общем, все может оказаться куда серьезней, чем я предполагал прежде. Но, сучье вымя, это не повод вешать на меня охрану свидетельницы!

Я сжал кулаки, скрипнул зубами и отрезал:

– Все равно – нет. Я не возьмусь ее охранять!

Тенрилл немного помолчал, а я, пользуясь паузой, сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться. В узкой комнате стало еще жарче, и я почувствовал, как неприятно взмокла спина.

– А я говорю – да! Ты мне должен. Помнишь? – вкрадчиво прозвучал голос Дорсана.

Шантажист хренов. Еще бы я забыл. Терпеть не могу быть кому-то обязанным, а тут дело касалось не просто банального одолжения. Семь лет назад по моей просьбе Тенрилл повлиял на изменение планов постройки новой лаборатории. К слову, финансирование тоже пришлось увеличить. Не знаю, каким образом мой друг доказал необходимость переноса строительства, зато я стал обладателем короткого и безопасного пути в цитадель науки. Просто потому, что подземный ход, доставшийся мне вместе с домом, выводил теперь на-

прямую к подвалу лаборатории.

– Похищение женщины в нынешней ситуации – в любом случае очень серьезное дело. И как бы мы к ним не относились, от них в конечном счете зависит продолжение людского рода. Рей, ты всегда был профессионалом и не давал эмоциям мешать работе. Если тебе будет проще, считай Роксану важной частью задания. Я не призываю тебя выслуживаться, а тем более быть нянькой.

Я почувствовал себя загнанным в угол. Раздраженно отбросил взмокшую челку с лица и процедил:

– Две недели, и не днем больше!

А потом, задев Дорсана плечом, первым вернулся в кабинет.

Аня Эдан сидела, все так же напряженно выпрямившись, и, зуб даю, ее лицо покраснелось то ли от злости, то ли от волнения. Кинула вопросительный взгляд на Тенриллу, меня, кажется, вовсе стараясь не замечать.

Тот прошелся по кабинету и, сняв с вешалки длинное дамское пальто, повернулся к свидетельнице:

– Роксана, сейчас вы с капитаном Фреем едете на место преступления. А после отправитесь к нему домой.

– Это еще зачем? – вскинулась женщина, и в мою сторону полетел сердитый взгляд.

– Некоторое время Рейнару придется тебя охранять, так что поживешь пока у него.

– Две недели, – веско уточнил я, отчего-то чувствуя дет-

скую, подленькую радость от того, что свидетельница разозлилась.

– Ты с ума сошел! Я никуда с ним не пойду. Я его даже не знаю!

Мысленно я был полностью солидарен со свидетельницей, однако к этому моменту немного успокоился, и профессионализм взял верх.

– Аня Эдан, если вы дорожите собственной жизнью, придется послушать господина Дорсана. Я и сам не в восторге от подобной идеи, но мы вынуждены пойти на такие меры. Со своей стороны обещаю по возможности сильно вам не документать.

Женщина упрямо скрестила руки на груди и принялась сверлить взглядом кузена. Тот подошел к креслу, наклонился и принялся нашептывать что-то ей на ухо. Не иначе убеждает, что я не ем дамочек на обед.

Пока они совещались, я с невозмутимым видом оделся. Повернулся как раз в тот момент, когда Тенрилл галантно подавал свидетельнице пальто.

– Светает, – друг бросил быстрый взгляд в окно. – Сделаем вот как...

Глава 3

Роксана

Из здания управления меня вывели черным ходом. Точнее, не так. Тенрилл лишь толкнул в темный узкий коридор и велел идти прямо, никуда не сворачивая, до самой двери. Сам же сказал, что отвлечет обитавших в управлении сотрудников. Вроде как соберет на срочное совещание.

Бойтся слежки? Подозревает кого-то из своих людей? Возможно. Помню, как кузен хмурился, когда я давала показания. Когда описывала внешность похитителей. Неужто признал кого? Если так, то дело плохо. Ведь если даже стражам порядка нельзя доверять, то кому можно? Капитану Фрею? Тенрилл ему определенно доверяет. А вот у меня от одной мысли об ингирвайзере трясутся поджилки. Какой все-таки неприятный тип... И то, как он отзывался о женщинах... Наверное, думал, я не слышу. Или, напротив, специально повысил голос, чтобы не питала ложных иллюзий. Что так, что так, все одно противно.

И ведь, как назло, никуда не деться. Две недели. Целых две недели под присмотром куратора инородных вторжений. Надо запастись терпением. Просто пережить. Как-нибудь. В конце концов, это лучше, чем попасть в руки тем негодьям. Да и, чего уж скромничать, я всегда умела ладить с мужчи-

нами. Может, и этот еще... переменит точку зрения. Правда вот, Тенрилл, когда меня уговаривал, обмолвился, что его друг женщинами не интересуется. Успокоить хотел на сей счет. Хотя я подозреваю, что это они им не интересуются. Еще бы, с такой-то физиономией. И характер наверняка не сахар. Ну ничего, как-нибудь справлюсь. Найду подход. А может, повезет и мне вообще не придется с ним пересекаться. Хорошо бы так...

Узкий коридор, как и обещал кузен, закончился дверью. Массивной, обитой железными листами. Я коснулась ручки и тут же отдернула ладонь – ручка была ледяная. Сразу вспомнила, что снаружи лютует зима. Тщательно застегнула распахнутое пальто и подняла воротник. Проверила меховую шапочку, перчатки... Перчаток не оказалось. Забыла, дуреха. Теперь пальцы отморожу. Да еще эта дверная ручка – не дотронуться. Пришлось пониже натянуть рукав и сквозь плотную ткань надавить на холодный металл. Толкнула увесистую створку – та поддалась с трудом, натужно скрипя проржавевшими петлями.

Я навалилась всем телом, а потом с той стороны вдруг кто-то резко дернул дверь на себя.

Неожиданно потеряв опору, не смогла устоять на ногах и нелепо завалилась вперед. И встретиться бы мне носом с сугробом или, того хуже, с ледяной коркой, затянувшей брусчатку, если бы меня не поймали сильные мужские руки.

– Все женщины такие неуклюжие? – прозвучало... нет, не

насмешливо, скорее раздраженно.

Я поспешила вернуть равновесие и, твердо встав на ноги, с вызовом глянула в лицо своего «телохранителя». Хотела ответить чем-нибудь едким. Но стоило встретиться с ним взглядом, как в горле вдруг предательски пересохло, а язык будто прирос к небу.

Нет, в это лицо, да еще находящееся так близко, я не могла смотреть спокойно. К горлу подкатывал ком отвращения, который совершенно невозможно было сглотнуть. Разве что выплеснуть наружу. Но это было бы совсем дико, а потому оставалось лишь дышать глубже. Вдох-выдох, вдох-выдох.

Не страшно ведь. Почти. Да и лицо изуродовано лишь наполовину.

Правую его часть рассекали несколько шрамов. Хотя это были даже не шрамы – глубокие рытвины, борозды совсем свежих порезов или царапин. Даже предположить боюсь, кто или что могло оставить такие следы. А еще не понимаю, почему он их не прикроет, не наложит повязку или что там полагается в подобных случаях. Лишь длинная челка на один бок кое-как закрывает страшные отметины. И то каждый порыв ветра так и норовит отбросить волосы в сторону, выставляя раны на всеобщее обозрение.

Жутко...

И взгляд у него жуткий. Темные, до черноты, глаза смотрят неодобрительно и с нескрываемым презрением. И от взгляда хочется отгородиться еще больше, чем от уродливо-

го лица.

Две недели. И как я выдержу?

Я опустила глаза. Вниз, на замшевые сапожки с меховой оторочкой. Толстые, теплые, но изящные. А напротив располагались высокие кожаные ботфорты с обитыми железом мысами. Тяжелые, массивные. И кожа, кажется, задеревенела на морозе. Гнется плохо и грозит пойти трещинами. И тогда сапоги можно будет смело выбросить. Но если вовремя смазать...

Ох, и о чем я только думаю? Какое мне дело до его сапог? Неужели смотреть больше не на что?

И вдруг из-за широкого голенища высунулась лохматая собачья морда. Лобастая башка, уши, прижатые к голове, мокрый черный нос и длинная белая шерсть, лезущая в глаза. Волкодав. Здоровенный, крепкий, поджарый. Сразу видно, что за собакой ухаживают. Пусть бы и не вычесывают шесть, но кормят сытно и тренировками не брезгуют.

На несколько мгновений застыла, с интересом рассматривая псину. Рейнар же расценил мой интерес по-своему:

– Не бойтесь, не тронет.

– Я и не боюсь, – поспешила оправдаться и потянула к псу руку, намереваясь погладить.

Собака оскалилась. Губу верхнюю задрала, обнажая внушительные клыки. И зарычала утробно и зло. Я поспешила отдернуть ладонь и внутренне сжалась. Не то чтобы и впрямь испугалась, просто обычно собаки реагируют на меня иначе.

Я люблю четвероногих. Частенько наведываюсь в пригородную псарню. Поиграть со своими любимчиками или помочь в чем. Я, можно сказать, с детства с ними вожусь. Сейчас же реакция белоснежного волкодава меня, мягко говоря, удивила.

– Айна, фу! – прикрикнул на собаку Рейнар.

Ох, так это еще и девочка. Тогда понятно, чего она так скалится, – суки по природе своей очень ревнивые. Ну, если хозяин мужчина, конечно.

Айна послушалась и скалиться перестала, но все равно взгляда от меня не отвела, следила за каждым движением.

– Она чужих не подпускает. Так что лучше вам побереечь руки. Если не будете давать повода – не бросится, – «успокоил» мужчина и, не меняя тона, скомандовал: – Айна за мной. Идемте.

Последнее, по всей видимости, предназначалось мне, ибо господин развернулся и пошел прочь. Даже руки не удосужился подать. Ну, хоть дверь придержал, и на том спасибо. Хотя от поддержки я бы не отказалась – стоило переступить порог, как ноги увязли в высоком сугробе, выбираться из которого пришлось опять же самостоятельно.

Ну никакого воспитания!

Благо идти было недалеко. Почти сразу из-за угла здания выехал крытый экипаж, в холодном утреннем свете блеснувший обледеневшей крышей. Сидевший на козлах мужчина, лицо которого по самые глаза закрывал широкий шарф, дер-

нул поводья, и лошади остановились. Я всмотрелась в причудливую вязь орнамента, обрамляющего узкую дверцу, и поняла, что повозка мне знакома, впрочем, как и возничий. Это был личный экипаж кузена. Надо же, как расщедрился!

Передо мной услужливо распахнули дверцу, и я, легко взбежав по ступеням, опустилась на мягкую сидуху у окна. Внутри было тепло от жара небольшой переносной жаровни, и я сразу протянула к ней руки, отогревая замерзшие пальцы. А еще здесь царил приятный полумрак, что тоже несказанно меня обрадовало. Все же я была не готова всю дорогу ехать лицом к лицу со своим спутником. Никакой выдержки бы не хватило лицезреть его ужасные шрамы в подобной близости.

Капитан Фрей, как и предполагалось, сел напротив, отчего-то поморщился и на жаровню глянул с явным неодобрением. По всей видимости, холод ему больше по душе. Следом за хозяином в повозку вскочила Айна и улеглась у его ног, положив длинную морду на вытянутые лапы.

Я вновь внимательно оглядела псину и решила спросить:

– Интересная порода. Никогда не видела белоснежных волкодавов. У какого заводчика вы ее приобрели?

– Я ее подобрал. У нас в гарнизоне целый выводок остался без матери. Вот и разобрали с ребятами. Грех такой псине пропадать. Они охотники отличные. В схватке с диким зверем выстоять могут. Я вообще... – Рейнар вдруг осекся,

махнул рукой и скомканно закончил: – Не важно.

Потом полез во внутренний карман, вытащил карту и стал демонстративно ее изучать.

Не желает разговаривать, значит. Ну ладно. Не очень-то и хотелось.

Экипаж меж тем выехал на центральную улицу, и, хоть я уже успела дать себе мысленный зарок не начинать беседу, не смогла удержаться от вопроса:

– Так куда мы сейчас?

– Прокатимся до места преступления. Понимаю, вы, верно, устали, – капитан прикрыл глаза и осторожно потер переносицу – кажется, сам он устал куда больше моего, – но нам нужно очутиться там как можно скорее. Пока возможно найти хоть какие-то следы.

Я понятливо кивнула. Тенрилл вроде предупреждал, что нужно будет съездить на место, вот только я во всей этой суматохе не обратила на то должного внимания. Впрочем, какая разница. Надо значит надо. Волновало меня совершенно иное.

– А после куда?

– Ко мне домой. Не беспокойтесь, я вам выделю отдельную комнату. – Мужчина криво усмехнулся, явно подумав о чем-то не о том.

Мне и самой подобное соседство было совершенно не в радость. Но его я была готова стерпеть. Вот только...

– А как же мои вещи?

– Какие вещи? – непонимающе вскинул голову Рейнар.

– Личные! – произнесла с нажимом. Нет, ну он точно издевается. – Одежда, белье и другие необходимые каждой девушке вещи. Или предлагаете мне воспользоваться вашим гардеробом?

Фрей закатил глаза и тяжело вздохнул. Вновь потер переносицу.

– Я как-то не подумал об этой... мелочи.

И он называет это мелочью?! От накотившего возмущения у меня даже дар речи пропал. А когда вернулся, я была готова высказать все, что думаю о своем спутнике и об идее нашего совместного проживания.

Но тут экипаж неожиданно подбросило на колдобине, и мне пришлось судорожно вцепиться в обивку сиденья, проглотив крутящиеся на языке ругательства. Собака глухо заворчала, приоткрыв один глаз. Рейнар же нагнулся к ней и успокаивающе похлопал по холке, а потом поднял на меня беспросветно темные глаза и спросил:

– Что вы предлагаете?

– Как это «что»? Разумеется, заехать в Общину и забрать мои вещи!

Ничего более элементарного и придумать нельзя!

Вот только господин ингирвайзер, кажется, был не согласен с моей точкой зрения.

Мужчина вальяжно откинулся на спинку сиденья, скрестил руки на груди и нравоучительным тоном принялся ло-

мать все мои планы.

– Многоуважаемая аня, – произнесено это обращение было отнюдь не уважительно, скорее с издевкой, – я понимаю ваше негодование. Но посудите сами. Где в первую очередь вас будут искать злоумышленники? Или считаете, они настолько глупы, чтобы не понять, куда вы направлялись в столь поздний час? Община – это первое место, в котором вам не то что не рекомендуется, а, я бы сказал, строго-настрого запрещено появляться. Если похитители действительно станут вас искать, – а Террилл утверждает, что станут, – то там нас однозначно ждет засада.

Я сглотнула вязкий ком, вставший в горле. Как-то мне об этом не подумалось прежде. А сейчас при мысли о засаде по спине побежали противные мурашки.

– Вы ведь не хотите угодить прямо в лапы ингиров? – добил мужчину, и по лицу его скользнула кривая улыбка.

– Не хочу...

– Ну вот и славно. – Фрей решил, что на этом разговор окончен, и, сдвинув шторку, выглянул в окно.

– Но ведь я не могу совсем без... – попыталась было вновь донести до него свою проблему, но меня грубо прервали.

– Боюсь, вам придется немного потерпеть, – отрезал мужчина, и в его приказном тоне не было ни капли участия. Я собиралась настоять на своем, но Рейнар и слова не дал мне вставить. – Мы подъезжаем. Это ведь то место?

Я нехотя выглянула за шторку и сразу узнала мелькающие

за стеклом дома.

– Да, уже близко. Через пару домов будет нужный поворот.

– Отлично! – чересчур бодро проговорил капитан. Кажется, он был рад, что сможет хоть ненадолго избавиться от моего общества. – Тормози! – крикнул Фрей и громко постучал в стенку за спиной.

Экипаж остановился, и мужчина, распахнув узкую дверцу, выпрыгнул наружу. Псина последовала за хозяином, а я вжалась в мягкую спинку сиденья, пытаюсь спрятаться от язычков ледяного ветра, пробравшихся в повозку.

– Жди здесь, – через плечо кинул мужчина, и дверь со стуком захлопнулась.

Я же порадовалась, что не придется выбираться наружу. И даже внезапный переход на «ты» пропустила мимо ушей. Теплее на улице не стало, и шастать на морозе без перчаток не было ни малейшего желания. Как и не было желания вновь любоваться на исчерченное шрамами лицо моего телохранителя. Однако долго сидеть, вжавшись в угол, я не смогла. Любопытство все же взяло вверх, и, подвинувшись на сиденье, я выглянула наружу.

Капитан Фрей не ушел далеко. Стоял всего в паре метров от экипажа и, нацепив странные очки с толстыми зеленоватыми стеклами в резиновой оправе, внимательно глядел по сторонам. Прикасался к дужке, вроде как что-то настраивая, а потом дернул их вниз, спрятав на шее, в складках темно-

го вязаного шарфа. Вслед за очками Рейнар наклонился и убрал в голенище сапога... кинжал.

Я с трудом сглотнула вставший в горле ком. Не ожидала, что мой спутник носит с собой оружие. Хотя, если мыслить логически, это было вполне закономерно. Однако по спине все равно пробежал холодок... Сколько еще у него вот так припрятано по карманам?

Как оказалось, припрятано у него не только оружие. Мужчина расстегнул пару верхних пуговиц пальто и выудил из-за пазухи карманные часы на длинной цепочке.

Откинул крышку, блеснувшую незнакомой монограммой, и стал аккуратно водить пальцем по циферблату. Или не по циферблату... Я теснее примкнула к окну, всматриваясь в странную вещь, теперь уже мало напоминавшую часы. Вот только, как ни пыталась, из экипажа мало что можно было разобрать.

Капитан Фрей несколько раз ударил ногтем по стеклянной поверхности, исчерченной изогнутыми линиями, и, нахмурившись, раздраженно захлопнул крышку. Затем коротко свистнул, подзывая собаку, и неспешно направился в глубь проулка. Айна трусила рядом, то и дело принюхиваясь и всматривая что-то в просветах плотно стоявших строений.

А я подивилась несоответствию. Господин ингирвайзер – с ног до головы в черном, и даже волосы у него темные, смоляные. А рядом – снежный волкодав, цветом шерсти практически сливающийся с окружающей белизной. Колоритная

парочка.

Капитан застыл в сотне шагов от повозки и вновь сверился со своим прибором. Опять так же нервно хлопнул крышкой и, теперь уже окончательно спрятав шуковину за пазухой, быстрым шагом пошел в мою сторону. Взгляд у него был угрюмый и недовольный, и у меня возникло непреодолимое желание отодвинуться подальше от окна и вновь забиться в свой угол. Отчего-то казалось, что недовольство свое он будет вымещать непременно на мне.

И с каких пор я стала такой трусихой?! Тьфу ты! Самой от себя противно. Буду я еще дрожать перед каким-то мужиком!

Глубоко вдохнула, набираясь смелости, и решительно толкнула дверь, заставив ту распахнуться чуть ли не перед самым носом подошедшего телохранителя.

– Какого хромого лося, мать твою, ты высовываешься?! – не стесняясь в выражениях, вспылил Фрей. – Я что сказал? Сидеть в экипаже и не дергаться! Давайте договоримся сразу: если уж вы вверили мне защищать вашу жизнь, извольте слушаться указаний.

И взглядом чуть ли не насквозь прожег. И желваки отчетливо заходили на скулах, выдавая всю степень раздражения. А шрамы, и без того непривлекательные, еще сильнее искажили черты лица, делая его пугающе зверским.

Я испуганно отшатнулась и, споткнувшись о ступеньку, плюхнулась на пол, больно ударившись копчиком. Однако

боль эта, вопреки ожиданиям, почему-то отпугнула страх и дала сил ответить:

– Прекратите на меня орать! И вообще, с каких это пор мы с вами на «ты»?

– С тех самых, – фыркнул капитан, и не думая извиняться за свое неподобающее поведение. – Идемте, покажете, где стояла повозка и откуда пришли похитители.

Рейнар протянул руку, намереваясь помочь мне подняться. Я же демонстративно ее отпихнула и, схватившись за поручень, сама выбралась из экипажа.

Ветер кинул в лицо ледяную крошку, Фрей поморщился и поспешил прикрыться локтем. Чуть слышно зашипел, касаясь изуродованной щеки, а потом и вовсе накинул на голову глубокий капюшон, заслоняясь от мимолетных порывов ветра.

– Показывайте, – велел он.

– Вот, повозка стояла тут. Преграждала выход из проулка. А похитители пришли с этой стороны... – Я повела рукой, показывая направление.

Ингирайзер откинул полу пальто, присел на корточки и смахнул тонкий слой снега с дороги. На плотном настиле отчетливо проступали узкие следы тележных колес. Верно, повозка простояла тут долго, раз отпечатки остались.

Мужчина прошелся вокруг, тут и там сметая в сторону снег. Удовлетворенно кивнул и, выудив из кармана мешочек с какой-то пудрой, велел отойти. Я послушно отступила,

мечтая побыстрее забраться в теплое нутро экипажа. Пальцы уже сводило от мороза, и приходилась прятать руки в широкие рукава пальто.

Меж тем Рейнар стал аккуратным, тонким слоем рассыпать пудру по земле. Айна не мешала, устроилась у моих ног и широко зевнула, демонстрируя внушительные клыки. Пользуясь моментом, протянула к псине руку и вновь попыталась погладить по голове. Та недовольно заворчала, косясь из-под длинной челки, но отходить не спешила. Можно подумать, ей поручено меня охранять.

– Ну что ты, девочка, я тебя не обижу, – проговорила ласково, легонько почесывая псину за ухом. – Я собак люблю. А ты ведь умница, правда? Хорошая, красивая...

Айна все еще недовольно ворчала, однако гладить себя позволяла. Да, именно позволяла, гордо задрав нос и делая вид, что ей нет никакого дела до моей ласки. Но стоило только хозяину подняться и бросить на нас мимолетный взгляд, как эта предательница тут же отстранилась и сделала вид, что и знать меня не знает.

Рейнар же прошелся к углу ближайшего дома, поскреб каменную кладку и рассыпал по ней свой порошок. Недовольно цокнул языком и глянул на меня:

– Идем!

Собака тут же сорвалась с места и потрусила вслед за капитаном. Я же недовольно фыркнула и с гораздо меньшим рвением отправилась следом.

– Показывайте, до какого места вас преследовали? Кто тут где падал...

– Господин ингирвайзер, вы уж определитесь, мы все-таки на «вы» или на «ты»!

Мужчина мотнул головой:

– Простите, забылся.

Мы прошлись вдоль проулка. Сейчас, при свете дня, все выглядело иначе, а потому я с трудом смогла опознать нужное место. И, конечно же, никаких следов преследователей там не оказалось.

– Аня, – чересчур ласково начал капитан Фрей, и я поняла, что ничего хорошего он мне не скажет. – А вы уверены, что... с ними действительно был Хамелеон?

– Считаете, что я вру?!

– Ну почему же... – и тон голоса такой снисходительный, будто с ребенком разговаривает. – Просто... вам могло показаться. Темно все-таки, да и состояние аффекта.

– Какого еще аффекта?! Я пока еще в своем уме, и с глазами у меня все в порядке!

Почему-то его недоверие показалось оскорбительным и вызвало резкий прилив злости.

– Разумеется, – все тем же тоном отозвался брюнет и двинулся к экипажу. – Пора ехать. Скоро тут станетлюдно.

Оставшуюся дорогу до дома капитана провели в напряженном молчании. Его откровенно снисходительное отношение и сомнения в моих показаниях вызывали дикое раз-

дражение. Хотелось попросту плюнуть на все и вопреки здравому смыслу отправиться в родную Общину, лишь бы не видеть этой перекошенной недовольством физиономии напротив.

Я откинула шторку и попыталась переключить свое внимание на проплывающий за окном сонный город. Кое-где на улице уже встречались редкие прохожие, спешащие по своим делам, кутающиеся в толстенные тулупы и шерстяные шарфы. Дворники мели дорожки и счищали налипший снег с крылец богатых домов. Долбили лопатами ледяную корку или же присыпали скользкие места песком. Город постепенно пробуждался ото сна, оживал. Печные трубы весело пыхтели, густой дым валил ввысь и растворялся в белом, по-зимнему прозрачном небе.

– Я бы не советовал, – вдруг оторвал от созерцания сухой голос моего спутника. – Вас могут заметить.

Вот ведь...

Пришлось задернуть шторку и, поджав губы, уставиться на багровые угли, тлеющие в жаровне.

И шагу ведь не даст в сторону ступить. Тиран хренов! Бывают же такие... И как-то уже слабо верится, что мы найдем общий язык. Скорее так и будем играть в молчанку, что сейчас, что оставшиеся две недели. Не помереть бы со скуки...

Из-под ресниц покосилась на своего спутника. Тот, вальяжно развалившись на сиденье, скрестил руки на груди и глаза даже прикрыл. Никак решил подремать? Интересно,

долго еще ехать?

И, будто в ответ на мои мысли, экипаж начал замедляться, а через десяток метров и вовсе остановился.

Рейнар резко ожил и, отворив дверцу, возвестил:

– Приехали.

Дом был огромен. Темная махина на фоне прозрачного светлого неба и засыпанных снегом дорожек. Вместо забора – плотная каменная стена и кованые ворота, покрытые изморозью. А за воротами виден полудикий сад и одинокое кривое деревце, будто скрючившееся на морозе.

Айна, первая выскочившая из повозки, метнулась к воротам, пролезла под кованой оградой и побежала по узкой тропинке к крыльцу. Уселась на верхнюю ступеньку, нетерпеливо молотя хвостом по земле.

Рейнар распахнул передо мной створку, скрипнувшую проржавевшими петлями, и пропустил вперед. Мне пришлось подобрать юбки и полы пальто, дабы ненароком не увязнуть в сугробах утонувшего в снегу сада, – слишком узкой оказалась протоптанная дорожка, и она уж точно не была рассчитана на пышное женское платье.

Пока пробиралась к дому, с интересом рассматривала свое временное жилище.

Первый этаж его сложен из бурого, местами плохо отесанного камня. На окнах стоят решетки, и большая часть этих окон покрыта изморозью, явно свидетельствуя о том, что в комнатах не топят. Второй этаж, в отличие от первого, де-

ревянный. Темное, местами пошедшее трещинами дерево, резные наличники, некогда крашенные, но краска уж давно слезла, облупилась, оставив белесые следы на стыках и неровностях древесины.

Крыльцо высокое, и пришлось схватиться за холодные перила, чтобы ненароком не навернуться. Капитан Фрей несколько раз провернул ключ в замке, и мы прошли в полутемный холл. И пусть в доме было и теплее, чем на улице, но раздеваться желания не было ни малейшего.

– Вы что, не топите? – не смогла сдержать негодования и, приблизив руки к губам, дыхла на замерзшие ладони. Из рта вырвалось облачко пара и растаяло в полумраке.

– Топлю, просто... Я со вчерашнего утра дома не появлялся. А прислуга всего раз в неделю приходит.

Рейнар стянул перчатки и запалил фитиль масляной лампы. В помещении сразу стало светлее и как будто бы даже теплее. Из полумрака выступили богато отделанные стеновые панели, низкий диванчик и пара тумб, явно служивших для переодевания. На вешалке сиротливо болтался плащ, а у стенки притулились валенки с резиновыми мысами – самая та обувь для подобной погоды.

– Не раздевайтесь, – угадал мои мысли хозяин дома. – Проходите так, я разожгу камин в гостиной.

Айна деловито процокала в темноту дверного проема, я направилась следом. Мужчина обогнал меня на полдороге и первым вошел в гостиную. Стянул с себя пальто и бросил в

первое попавшееся кресло. В нем же грудой бесформенного тряпья валялся какой-то свитер, а рядом на полу нашли свое пристанище теплые вязаные носки и погрызенная газета, явно облюбованная псиной.

Я с любопытством осмотрелась вокруг – в отличие от полутемного холла, здесь было светло. Холодный утренний свет лился сквозь огромные арочные окна в обрамлении тяжелых гардин, подвязанных кручеными шнурами с пушистыми кисточками на концах. Гостиная эта, пожалуй, была уютной. Мягкие диваны, обитые темной матовой кожей, шерстяной ковер с причудливым цветочным орнаментом, дупло камина, нутро которого уже успел осветить робкий огонек. Правда вот, решетка не чищена. И сажа на полу. Рейнар заступил в нее сапогом и разнес по паркету. Потом, спохватившись, бросил под ноги всю ту же газету, ругнулся себе под нос и тщательно вытер подошву.

– Проклятье! Вы уж извините... Тут слегка не убрано.

Мужчина скомкал газету и швырнул ее в огонь, подхватил с пола носки и принялся собирать какие-то мелочи с низкого столика. Кажется, там обретался недоеденный сэндвич и пара невымытых кружек. Хорошо хоть не бутылок. Вся посуда помещилась в руках, и капитан плюнул на это дело.

Да, мужское жилище чистотой и опрятностью никогда не отличалось. Особенно если в доме нет постоянной прислуги.

– Вы один живете? – сам собой сорвался вопрос, а взгляд скользнул по запылившимся плафонам ламп, по высокому

торшеру, вставшему между кресел. И кожа на одном из этих кресел стерта. Лишь на одном, а значит...

– Да, – подтвердил мою догадку мужчина.

Неудивительно... Вот только этот дом слишком велик для одного. Интересно, это вообще его особняк? Хозяин бы за жилищем следил, а тут... Впрочем, возможно, у него просто не хватает времени или средств. Кто знает?

При внимательном рассмотрении в ковре обнаружались редкие проплешины, а на стенах – следы прежде висевших картин: обои слегка выцвели, а там, где были рамки, они по-прежнему яркие.

– А куда делись картины? – не знаю, зачем, спросила я. Наверное, просто устала стоять в тишине и безмолвно наблюдать, как ингирвайзер тщетно пытается навести порядок в собственном жилище.

– Сняли, – неохотно ответил Фрей. – Там были портреты... старых хозяев.

Значит, все-таки не его... По крайней мере, был. И, честно говоря, я и думать боюсь, каким образом или за какие заслуги ему этот дом достался. Глядя на его раны, предположения возникают не самые приятные.

– Почему вы не повесите новые? – спросила дружелюбно, пытаясь отвлечься от неуместных ассоциаций.

– У меня нет родственников. А собственное лицо не столь привлекательно, чтобы развешивать его по стенам!

О, вот тут я с ним полностью согласна. И, как погляжу,

господин ингирвайзер не склонен к самообману. Это радует. А вот то, что запустил все так... стыдно должно быть, право слово. Хотя его, похоже, все устраивает. И кто я такая, чтобы лезть?

Ох, мы только-только пришли, а я уже хочу отсюда бежать...

– Пойдемте, я покажу вашу комнату, – вторгся в мои мысли сухой мужской голос, и я обрадовалась возможности отвлечься.

Остальной дом, как оказалось, находился в еще более неприглядном состоянии, чем гостиная. И чем дальше, тем все сильнее навевал скуку. Устаревший рисунок на стенах, ковры, лишённые яркости цветов, затёртые перила... Сколько рук коснулось их за все время? И комната, которая должна стать моей. Затхлая, пыльная, кажется, сюда сто лет никто не заглядывал.

Рейнар недовольно поморщился, вздохнул и, пройдя к окну, нараспашку открыл створки, впуская в помещение колючий морозный воздух.

– Я... Тут... У меня редко бывают гости. – Он не знает, что сказать. И еще ему неловко. И эта неловкость ему совершенно не идет. Не вяжется с суровым каменным лицом, отчего мне на мгновение становится смешно. Но выражение лица быстро сменяется раздражением и даже злостью, и хозяин заканчивает уже совершенно иным тоном: – Пусть проветрится пока, я потом тут... в общем, я займусь этим во-

просом.

А я вдруг поняла, что его так раздражает. Точнее, не «что», а «кто»! Я!

Вторглась, понимаешь ли, в его личное пространство, нарушила привычный уклад жизни. Порядок тут наводить заставила. Как будто мне это надо!

Помнится, я не просила со мной возиться!

– Не утруждайтесь. Я не настолько беспомощна, как вам мнится. И вполне способна самостоятельно вытряхнуть покрывало.

Капитан Фрей удивленно вскинул бровь – да, именно бровь, одну, что смотрелось тоже весьма... специфично, – и, скрестив руки на груди, язвительно отозвался:

– Вообще-то, я планировал пригласить кого-нибудь из конторы. Но если многоуважаемая аня горит желанием закатать рукава и немного потрудиться, я не буду препятствовать.

Вот ведь... нахал!

Решил, что я совсем белоручка? Не спорю, живя в Общине, нам не приходится заниматься уборкой. Но это вовсе не значит, что я не способна привести свое жилище в порядок! В отличие от некоторых!

Теперь доказать ему это стало для меня делом принципа.

– Что ж, если с этим решили, то я покажу кухню и ненадолго вас покину. Дела зовут.

Прекрасно! Подольше бы он там задержался. Одной мне

будет не в пример уютнее и спокойнее.

Кухня обнаружилась на первом этаже. Недалеко от той самой гостиной, которая пока что являлась единственным протопленным местом в доме. Захотелось фыркнуть и зло выругаться, желательно вслух.

Что за человек! Нельзя было сначала на кухню зайти, а потом уже в комнату? Или ему доставляет удовольствие туда-сюда по этажам бегать?

– Вот. Здесь погреб, ледник, печь... – мужчина терпеливо показывал, где и что, видимо, предполагая, что я тут же примусь за готовку. Ага, размечтался! Еще я в чужом доме с поварешками не скакала. – Кое-что из продуктов осталось. Перекусить хватит. А там, ближе к вечеру, я привезу еще провизии.

Я обвела взглядом потемневшие от времени навесные шкафы и еле сдержала протяжный вздох, в нетерпении ожидая, когда же смогу избавиться от мужского общества.

Благо дальнейшую экскурсию по дому хозяин проводить не стал и, коротко свистнув, подозвал к себе Айну.

– Что ж. Располагайтесь тут. Мне пора. К вечеру буду. И... – Он пристально глянул мне в глаза, отчего по спине побежали противные мурашки, – настоятельно не советую вам высовываться из дома.

Я понятливо кивнула, подавив в себе настойчивое желание закатить глаза. Ну сколько можно уже? Я и с первого раза все поняла. Незачем повторять.

– А что в итоге с одеждой? – запоздало вспомнила я, окликнув хозяина дома чуть ли не в дверях.

Тот протяжно вздохнул, оперся о косяк и, развернувшись вполоборота, нехотя произнес:

– Я постараюсь чего-нибудь раздобыть.

Раздобыть? Прелестно... Такое чувство, что он ее с кого-то снять вознамерился.

ТЬфу ты! И о чем я только думаю?! В конце концов, это его проблемы. Раз не хочет заезжать в Общину, пусть выкручивается.

Рейнар наконец удалился, а я, облегченно выдохнув, опустилась на табурет у массивного дубового стола, блестящего натертой столешницей. И при взгляде на оную меня посетило подозрение, что господин ингирвайзер обедает прямо тут. Ну или в кресле у камина, если судить по количеству посуды, убранный с журнального столика.

Расстегнула несколько верхних пуговиц пальто – пока ходили, даже согреться успела – и лишь после решила сунуться в кладовую.

Еды там оказалось не шибко много. Хлеб, кувшин с молоком, несколько яиц да подсохшая головка сыра. А еще кусок сала, завернутый в белую тряпицу и щедро присыпанный солью. Н-да, не разгуляешься... О горячей пище так вообще только мечтать и остается.

Благо я еще не успела проголодаться настолько, чтобы польститься на запасы ингирвайзера. А вот что мне стоило сей-

час добыть, так это воду, ибо без влажной уборки то помещение, что выделили мне под спальню, было совершенно неприемлемо для жизни.

Что ж, достопочтенная аня, кажется, вам и впрямь придется закатать рукава.

Глава 4

Рейнар

Я быстро шел по тоннелю, сжимая в руке масляную лампу. Огонь растекался по стенам дрожащими рыжими кляксами, а за их пределами шевелилась крошечная темнота. Айна с самого начала умчалась вперед и только изредка взлаивала, очевидно сообщая, что путь безопасен и она бдит. Было тихо, сухо и даже не слишком холодно. Я вспомнил, какой промозглый ветер разгулялся снаружи, и лишний раз порадовался, что решил воспользоваться этой дорогой. Подземный ход достался мне вместе с домом почти сразу после войны. Тогдашнего хозяина осудили за нелегальное сотрудничество с Эврой, сослали куда-то на рудники, а я в итоге получил вполне приличное жилище за заслуги перед Антреей. Возможно, верхом вышло бы быстрее, однако лошадь моя осталась в стойле управления, а носиться по улицам в поисках экипажа, да еще в такую рань, казалось неудачной затеей. Нужно будет по приходу в лабораторию телеграфировать, чтобы кто-нибудь доставил мою кобылу.

Интересно, Генрилл уже уехал? Может статься, что дело окажется пустышкой, мыльным пузырем, раздутым на испуге впечатлительной дамы. Ничего подозрительного на месте происшествия я не нашел, однако для окончательного вер-

дикта стоило поговорить с Алариком и еще раз проверить Ключ.

С суматошным писком какая-то приبلудная крыса сунулась мне под ноги, и я, ругнувшись, потерял равновесие и чуть не растянулся на утоптанном земляном полу. Айна выскочила из темноты и бесшумно схватила крысу, сомкнула пасть поперек туловища. Писк надорвался, а я потер ушибленное плечо и подумал: заметила ли девица, через какую дверь я вышел? В конечном итоге это не так уж и важно, но делиться собственными секретами не люблю. Даже будь эта анья хоть трижды кузиной моего друга. Странно, что не пришлось тащить ее силой, все же я ожидал большего сопротивления. Дамочка оказалась разумной, и это к лучшему. Глядишь, запрется в комнате и выходить станет, только когда меня дома не будет.

Кстати, она же еще одежду просила. Тьфу ты, делать мне больше нечего! Я остановился и смачно сплюнул. Впрочем, злость почти сразу прошла, а предвкушение обычной работы наполнило грядущий день смыслом.

Айна, стоя на задних лапах, уже скребла железную дверь, которой заканчивался тоннель, и нетерпеливо повизгивала. Я поднял лампу выше и, нашарив в кармане брюк связку ключей, отомкнул замок. Собака прошмыгнула внутрь и помчалась вверх по узкой винтовой лестнице, стуча когтями по железу. Знает, что у Аларика всегда есть в запасе что-нибудь вкусенькое для любимицы.

Я повесил фонарь на крюк у двери и поднялся в округлую комнату, всегда напоминавшую мне площадку маяка. Только весьма просторную, и вместо фонаря в центре тихо гудит резонатор. Ключ. Иностранная машина, подсвеченная со всех сторон масляными лампами, чем-то неуловимо похожая на осиное гнездо. Высокое, медное и... чуждое. Я так до сих пор и не привык к виду этой громадины.

Подойдя, склонился над широкой панелью – детищем наших ученых, выглядевшим, пожалуй, даже грубо рядом с изящными формами Ключа, – и сразу же принялся проверять показания. Стрелки в круглых окошечках привычно подрагивали на отметке около нуля. Я осторожно развернул скрученную узкую ленту, испещренную маленькими проколами самописца, – ничего необычного. Фон нормальный, длина волн в пределах нормы. И, судя по всему, за прошедшие сутки открытия дочерних порталов не было.

– Ах ты, шельма! – послышался радостный голос ученого из приоткрывшейся двери смежной комнаты, и я почувствовал, как свело нутро.

Терпкий аромат свежесваренного кофе и жареного бекона накрыл с головой, и я шумно сглотнул. Вспомнил, что не ел со вчерашнего дня, и решительно пошел объедать Аларика. Айна уже лежала у его ног, увлеченно грызя какую-то косточку, а ученый, подняв на меня небесной синевы очи, вздернул бровь:

– Ты что, совсем не кормишь животину, ингирвайзер?

– Так у нас, на счастье, есть ты.

Я скинул пальто, без приглашения развалился в соседнем кресле и подтянул поближе тарелку с мясом. Рядом удачно оказался глиняный горшок с запеченным в каких-то травах картофелем, и я, не особо деликатничая, ткнул туда вилкой.

– Дикарь. Суший дикарь.

Аларик удрученно вздохнул и, схватив бронзовую турку, плеснул кофе в свободную чашку.

Наш ученый отличается хорошими манерами и даже за столом прилаживает за воротник салфеточку. Да и в целом человек он изящный – тонкой кости, еще и блондин платиновый. Красавчик, что ни говори, мог бы пользоваться огромным успехом у дамочек. А уж склонность к кулинарии и вообще сделала бы его неотразимым в глазах прелестниц. Но сам Аларик не в восторге от подобных преимуществ и предпочитает проводить время в лаборатории, рядом с любимыми механизмами. А еще он редкостный зануда, чистюля, и его рабочие инструменты: отвертки, ключи и шарниры – всегда разложены по ранжиру и в одну линию. И хотя мы с ним совершеннейшие противоположности, в обществе Аларика мне отчего-то всегда бывает уютно и даже несколько расслабленно.

Я пригубил горячий напиток, чувствуя, как внутри растекается тепло, блаженно вздохнул и расстегнул пальто.

– Что-то ты рано сегодня. – Ученый с подозрением покопился в мою сторону. – Или просто харчи закончились?

Я пропустил мимо ушей очередную подколку и перешел сразу к делу:

– Ничего странного в последнее время не случилось? Как резонатор?

Аларик посерьезнел, вытер руки полотенцем и, поднявшись, кивнул, приглашая следовать за ним. Потревоженная Айна недовольно заскулила, но кость не бросила.

В лаборатории он остановился напротив механизма и молча указал на маленькое, будто оплавленное, пятнышко. Я приблизил лицо к оболочке резонатора, всматриваясь в изъян, и покосился на блондина:

– А не могло оно остаться от твоей... хм... кулинарии?

Аларик однажды, под бутыль доброго самогона, сам сболтнул, что готовит с использованием энергии Ключа. После признания этот недоделанный кулинар у меня чуть в кулинара фаршированного не превратился. Резонатор у нас один, и принцип его работы так до конца и не изучен. Слуцись что – и люди вряд ли смогут собрать подобный. В общем, расвирепел я тогда страшно. Благо Аларик поклялся на той самой бутылке, которую мы распивали, что вреда механизму не причинит. А теперь вот пожалуйста – появилось пятно.

– Ты что? – ученый возмущенно постучал себя по лбу. – Думаешь, я прямо здесь пищу готовлю?

– Ну, кто ж тебя знает, ты о подробностях не распространялся.

– Вот, смотри! – Изобретатель осторожно надавил на корпус механизма, часть поверхности отъехала в сторону, привычно обнажая внутренности Ключа, похожие на крупные соты.

В одной из них я узрел небольшую коробочку с торчащими в разные стороны металлическими прутиками. Аларик достал прибор и полюбовался, держа на ладони.

– Вот. Моя «мышеловка». Вернее, волноловка. Отправляет энергию прямо в нагревательный ящик. А вот там у меня уже встроен свой маленький секрет, способный влиять прямо на материю. Вреда для резонатора никакого, неужели думаешь, я такой тупой, что не проверял, не сравнивал результаты?..

– Ладно, не кипятись, – примирительно сказал я. – Тогда что это за пятно? Оно может повлиять на способность Ключа контролировать Переход?

– Нет, Переход как раз таки плотно запечатан. Тут умельцы еще до меня знатно постарались.

Я припомнил события пятнадцатилетней давности. Пусть после войны я был не совсем вменяем, но и мимо меня не прошло известие о закрытии Перехода с Эвры. Об этом трубили чуть ли не на каждом шагу. Только вот по факту Переход не закрыли – лишь запечатали. И надо отдать должное ученым тех лет – за прошедшие годы через него к нам не смог проникнуть ни один ингир. Но попыток открытия дочерних порталов это не отменяло. Переход, по сути, оказал-

ся той ниточкой, что плотно связала наши миры, и теперь дает эврийцам возможность раз за разом повторять попытки вторжения.

– А вот что касается отслеживания дочерних порталов, – продолжил Аларик, – то тут ни в чем нельзя быть уверенными. Теоретически влиять может любой изъян. – Мой собеседник чем-то щелкнул, и коробочка втянула в себя пруттики, точно лапки. Сунул в карман свое изобретение и почесал белесую бровь. – Впрочем, результаты замеров остались прежними.

– На границе сказали, что Переход играет.

– В каком смысле?

– Неровное свечение время от времени, что-то такое. Да еще в заднице у Виттора свербит. Шестое чувство, итить его в коромысло!

Ученый кивнул, нахмурился и уставился в стену. Я знал, что это может быть надолго, и поспешил задать еще один вопрос:

– А не мог Ключ пропустить открытие дочернего портала?

– Шутишь?! – Аларик выплыл из задумчивости и недоверчиво посмотрел в мою сторону. – Уж что-что, а в этом смысле он работает стабильно.

– Но ведь были случаи, когда реагировал поздно, помнишь?

– Не спорю. Но срабатывал всегда. Все дело в удаленности источника возмущения. Откройся дочерний портал где-

то на границе с Южным морем, резонатор вовсе не отреагирует. Но, как ты сам знаешь, подобное невозможно. Все порталы накрепко связаны с Переходом, и дальше зоны Солькора ингиры просто не смогут к нам прорваться.

Что ж, замечательно. Выходит, дело, взваленное на меня, и впрямь пустышка, а Хамелеоны нервной девице померещились. И мне целых две недели придется нянчиться со свидетельницей и раскрывать дело, к моей работе никоим боком не относящееся. Ну, спасибо, тебе, Тенрилл, услужил так услужил, волчий хвост тебе в зад!

Я раздраженно отбросил упавшие на лицо волосы и отметил, что раны мои снова начинает ощутимо пощипывать. Плохо. Не иначе скоро снова придется колоть обезболивающее и тащиться к доктору Орфину.

– Что? – Аларик проницательно уставился мне в лицо.

– Всё в порядке. Телеграф свободен?

– Там, – ученый отрешенно махнул рукой, склонился над панелью измерений, а я пошел просить управление пригнать мою лошадь.

Больше всего сейчас хотелось вернуться домой и завалиться спать, но к Виттору наведаться все же придется. Раз уж обещал свидетельнице добыть одежду, слово придется сдержать. Страж уже должен был вернуться с дежурства и скорее всего дрых без задних ног. Но даже если так, можно просто выпросить вещи у его жены. Рута всегда относилась ко мне с поистине материнской заботой и, полагаю, не отка-

жется выручить. Единственная, пожалуй, нормальная баба, не то что эти городские вертихвостки.

Скоротать время я вернулся к Аларику, тем более что там еще оставались Айна и недопитый кофе. Застал ученого сидящим у стола – тот разложил на коленях свернутую ленту самописца и, нахмурившись, читал результаты.

– Что ищешь?

– Хоть что-нибудь, – блондин поднял на меня задумчивый взгляд. – Не нравится мне тот изъян на оболочке. Опять же рассказы твои про Переход.

– И давно появилось это пятно? – Я опустился в кресло напротив и сделал глоток остывшего напитка.

– Вчера вечером заметил, а так, может, чуть раньше. На всякий случай отмотаю результаты на пару суток. Если что узнаю – телеграфирую. Ты куда сейчас?

– К знакомому одному по делу, потом – не знаю.

– Если что, могу помощника к тебе домой отправить. Подземным ходом.

– Нет! – дернулся я. Представил, какое мнение может составить лаборант, найдя в моем холостяцком гнездышке незнакомую девицу. Потом от подколок век не избавишься. – Сам заеду, как смогу. Если что-то срочное – телеграфируй стражам границы. Пусть удваивают дозоры.

– Как скажешь. – Ученый вновь вернулся к исследованию ленты, а я, откинувшись в кресле, на секунду прикрыл глаза.

Разбудил меня холодный собачий нос, ткнувшийся в ру-

ку, а еще проступившая с самого дна тревожного сна боль в основании шеи. Тянущая, пока еще не ломящая, но я прикинул, смогу ли продержаться до вечера без лекарств.

– Выспался? – Аларик беззлобно усмехнулся. Стол перед ним был изрядно завален белыми змейками бумаги.

– Что-нибудь нашел? – вопросом на вопрос ответил я и расправил затекшие плечи.

Блондин рассеянно покачал головой.

Я поднялся, отщипнул от хлеба кусок, закинул в рот и стал выискивать глазами Айну.

– Лошадь ждет, собака только что на двор умчалась, – лаконично доложил Аларик и, вздохнув, вернулся к исследованиям.

Я хлопнул друга по плечу, отчего тот поморщился, подхватил пальто и отправился на улицу.

Ветер, буйствовавший всю ночь, стих, и теперь на Солькор опускался тихий снегопад. Айна радостно носилась по двору. Незнакомый молодой жандарм лепил снежки и бросал собаке, а та, точно восторженный щенок, пыталась ухватить их пастью. Увидев меня, парень вытянулся в струнку и торжественно отрапортовал, что лошадь доставлена, а он ждет дальнейших распоряжений. Вот только лицо его постепенно вытягивалось, пока я подходил ближе. Я раздраженно набросил капюшон и махнул рукой, отпуская жандарма восвояси. Айна, подбежав, преданно заглянула мне в глаза. Слипшаяся от снега шерсть на ее морде забавно топорщи-

лась неопрятной бородой. Нашли время для игрищ, затейники хреновы... Впрочем, я понимал, что брюзжу напрасно. Тихое утро созвучно молодости, а такой старый пень, как я, просто мучается недугом. Потому не стал выговаривать собаке, просто сплюнул и повел лошадь в поводу. Выйдя за ворота, прикрыл створки и вскочил в седло. Пнул коленями лошадь и выехал на змеящуюся вдоль снежных холмов дорогу. Езды было всего-то с четверть часа до города, да там несколько поворотов узкими улочками. И все же меня изрядно запорошило, пока добрался до дома Виттора. Долго отряхивался на веранде и даже прошелся несколько раз голубиным крылышком по кожаным ботфортам – Рута страшная чистюля и за пятна на полу плешь проест. Айна отряхнулась, обдав меня снежными ошметками, я ругнулся, вытер зверюге лапы и постучал.

Жена Виттора открыла сразу, точно все это время стояла за дверью. Округлила и без того выразительные серые глаза и прижала палец к губам. Я понятиливо кивнул. Повезло Виттору – после дежурства да сразу в постель. Хотя нет, наверное, раньше его Рута накормила. Мне подобное в собственном доме точно не светит. Набегавшаяся Айна со смиренным видом улеглась на коврик в прихожей и, похоже, собралась вздремнуть. Я потрепал ее по холке и отправился следом за хозяйкой, стараясь не шуметь.

Рута провела меня в уютную кухню, блестящую начищенной посудой и пестревшую вышитыми салфетками. Уса-

дила за стол и без разговоров поставила перед носом кружку сладко пахнувшего медуницей чая.

– Давай рассказывай, – негромко предложила женщина, садясь напротив и пододвигая ко мне плетеное блюдо, наполненное витым печеньем. – Как живешь? Давно тебя видно не было.

– Работа. Дозоры. – Я пригубил горячий напиток и поморщился от жаркого пара, потревожившего лицо. – Как обычно, ну, ты знаешь.

Она коротко кивнула, и мне показалось, что морщина, залегшая в уголке рта, стала больше с того дня, как мы виделись в последний раз. Хотя, может, так лег дневной свет, сочащийся из-за вышитой занавески.

– Я по делу, – предупредил следующий вопрос и нервно стукнул пальцами по столешнице. – У тебя можно позаимствовать женские вещи? Платья, там, белье? Лучше бы, конечно, не сильно ношенные, но уж тут как расщедрисься. Заплатить много не смогу, может, договоримся на услугу?

Всю печаль из глаз Руты точно ветром сдуло. Она смотрела на меня каким-то новым, заинтересованным взглядом, и, честно говоря, мне он не понравился.

– Завел себе подружку?

– Нет. – Я сжал зубы и постарался, чтобы голос прозвучал не слишком резко. – Это по работе.

– Сам, что ли, переодеваться станешь? – Рута изумленно сморгнула и, не сдержавшись, фыркнула.

– Нет.

– А, значит, все-таки для дамы. Рей, это, конечно, не мое дело, но засиделся ты в бобылях.

– Рута, не начинай.

Я мысленно простонал и, сделав вид, что страшно голоден, набил рот сахарным кренделем. Жена Виттора одержима идеей устроить мою личную жизнь и пару раз даже подбивала наведаться в таверну. Естественно, я никуда не ходил и, чтобы не обижать заботливую женщину, валил все на работу и ингиров.

– О тебе пекусь, глупый! Ходишь словно бродяга – некормленный, нечесаный, одежды поношены. Собака твоя и то выглядит приличнее.

Отчего-то в этот раз ее слова меня задели. Крупным глотком я запил наскоро проглоченный кусок сдобы и раздраженно ответил:

– Тебя послушать, так завести себе женщину проще пареной репы. Таких, как я, полстраны ходит. Да какое там полстраны – куда больше. Такое ощущение, что ты забыла, что у нас барышни нынче в недохвате?

– Ой, прекрати! – женщина закатила глаза. – Ты даже не пробуешь с кем-то познакомиться. Рей, ну нельзя же опускать руки! Ты бы хоть постригся!

– Мне, знаешь ли, очарование без надобности. В конце концов, с такой физиономией ни одна прическа дела не исправит.

А еще я с тоской подумал, что Рута, пожалуй, не понимает, что когда все тело раздирает болью, то последнее, о чем думаешь, так это плотские утехи.

Хозяйка, как мне показалось, с сожалением покачала головой:

– Ты совсем не знаешь женщин, капитан. Ведь ты хороший человек. Истинная женщина сможет это увидеть. Сердцем.

Я сморщился, точно глотнув уксуса. Вот только бабских рассуждений мне сейчас для полного счастья не хватало. Ошибается Рута. Нынче женщины совсем другие. Во времена ее молодости, может, и встречались правильные. Истинные, как она говорит. Сейчас же, куда ни глянь, сплошь вертихвостки, думающие только о собственном благополучии. Хотя и в былые времена встречались стервы. Взять хоть мою мамашу...

Я тряхнул головой, отгоняя неприятные мысли, и угрюмо пробормотал:

– Не хочу тебя обижать, но полагаю, что, наоборот, женщин знаю слишком хорошо.

– Ты просто упрямый, словно баран! – Рута рассердилась и стукнула ладонью по столу.

– Так ты дашь вещи или нет?

Мы почти минуту сверлили друг друга пронзительными взглядами, а потом женщина вздрогнула от прокатившегося по кухне насмешливого рокота:

– Так-так, ингирвайзер. Не успеет честный человек заснуть, как ты приходишь и начинаешь соблазнять его жену. Правда, не скажу, что вы делали это тихо.

Виттор сладко, до хруста в суставах, потянулся и поскреб в распахнувшемся вырезе рубахи поросшую седыми волосами грудь. Рута всплеснула руками и укоризненно покосилась в мою сторону.

Ветеран подошел к жене и, наклонившись, оставил на ее губах смачный поцелуй. Я отвернулся – чужие нежности меня всегда немного смущали – и подождал, пока Виттор усядется.

– Так что за дело? – поинтересовался страж, оглядел стол и вздохнул. – Мать, хватит чаевничать, тащи-ка мясо и чего покрепче. Капитан в последний год нечасто балует нас визитами.

Раздумывая, я понаблюдал, как суетится вскочившая со скамьи хозяйка, как мечет на стол разномастные тарелочки с хрустящими огурчиками, розоватыми кусками сала и вяленным мясом. Конечно, я не стану посвящать Виттора в подробности дела, даже если оно оказалось не таким серьезным, как виделось поначалу. Но про то, что завел себе даму, врать не стану точно.

– Я уже сказал Руте. Мне нужна женская одежда. Платья, ну и что там еще нужно... И уясни, что это для дела, или я сейчас сам сотру с твоей физиономии эту гадкую усмешку.

– Понял. – Ветеран примирительно вскинул руки. – За-

ткнулся. Ни о чем не спрашиваю. Рута?

– А какой комплекции эта твоя «работа»?

Можно подумать, я ее рассматривал. Пф...

Хозяйка поставила в центр стола запотевший стеклянный графин, и я подумал, что если сейчас выпью, возможно, боль на время отступит. Главное – не надраться до полного ослабления, когда уже станет все равно, куда ехать и чем заниматься. Полстакана, не больше. Я окинул задумчивым взглядом хозяйку и подумал, что та, наверное, шире в талии и немного ниже, чем Генриллова кузина.

– Примерно как ты. Только на всякий случай булавок положи, чтоб подколоть можно было.

Рута хмыкнула и удалилась в глубь дома.

– Был в лаборатории, – оповестил я ветерана, глядя, как тот щедро плещет прозрачный самогон в стаканы. – Аларик проверяет данные, но в целом говорит, что резонатор стабилен. Так, мне не больше половины, дел еще невпроворот.

– Точно бабу завел, – фыркнул страж и протянул стакан: – Держи. Что-то ты сегодня нервный.

Я залпом опрокинул в себя жгучее пойло, решив стойко не обращать внимания на Витторовы домыслы, и закусил хрустящим огурцом. Зажмурился от удовольствия – соления у Руты были, как всегда, отменные. Хозяин последовал моему примеру, а потом принялся не спеша разжигать трубку.

– Может, я и ошибся. – Он вздохнул и выпустил в воздух плотное колечко дыма. – Сам понимаешь, не молодею. Но

теперь я, по крайней мере, спокоен – вы двое сумеете, если что, все исправить.

Я кивнул, сомневаясь, честно говоря, в собственной все-сильности. Но виду не подал. Тем более что Рута вернулась, прижимая к груди внушительный сверток.

– Там два платья, – принялась она объяснять с порога. – В одном я, между прочим, бегала когда-то на свидания. Виттор, помнишь?

Из-под вороха разноцветной ткани показался какой-то блеклый кусок, расшитый мелкими цветочками.

– Э? Да, – слишком поспешно кивнул ветеран, а я, предупреждая долгие рассказы о милом сердцу тряпье, поспешно забрал сверток из рук хозяйки:

– Благодарствую. Обещаю, что в долгу не останусь.

– Погоди, – строго сказала Рута и, вытащив из-под стола плетеную корзинку, принялась заворачивать съестное. – Домой возьмешь. Знаю я тебя, уморишь девочку голодом...

– Какую еще девочку? – возмущенно гаркнул я и почувствовал, как забились в висках то ли боль, то ли раздражение. – С чего ты вообще взяла, что она со мной живет?

– Значит, отнесешь в управление. Где-то же там бедняжка обретается. Надеюсь, ты ее не в камере держишь?

И Рута обожгла меня недоверчивым взглядом.

– Нет, – отрезал я и подумал, что жизнь ветерана теперь определенно осложнится ежедневными вопросами о судьбе несчастной пленницы.

– Глядишь, и сам поешь, а то знаю я тебя, – продолжала ворчать хозяйка, провожая меня до двери.

Виттор постарался спрятать ухмылку и наклонился почесать зевающую Айну за ухом. Я поспешил распрощаться и, только выйдя на заснеженное крыльцо, перевел дух. Страшно представить, что Рута вот так вот ежедневно промывает мужу мозги. Нет, пожалуй, даже вкусный ужин не стоит подобных страданий, меня лично общество собаки куда больше устраивает. Скорее бы прошел назначенный Дорсаном срок, и я снова в полной мере ощутил собственную свободу.

До дома добрался быстро. Поначалу думал возвратиться в лабораторию, однако головная боль, отступившая после Витторова «лекарства», быстро вернулась. Еще и за компанию со слабостью и тошнотой. Раньше меня удивляло, что мои незаживающие шрамы отзываются в теле подобным образом, пока доктор Орфин не объяснил про токсин. Ингирская плетка – Хлыст Мантикоры, – прошедшаяся по моему телу, занесла в организм особый яд, не дающий человеческому телу регенерировать повреждения. Лекарства лишь временно обращают процесс, но никогда полностью не излечивают. Расползающиеся по новой раны травят тело, и конца тому не предвидится. Порой мне кажется, что болезнь прогрессирует, а иногда ход ее, наоборот, замедляется, давая призрачную надежду. И тем горше очередное разочарование. Лекарство от моих мучений существует, но находится по ту сторону Перехода, в Эвре, а стало быть, думать о том напрасно.

Даже ради собственного блага я никогда не нарушу закон и не скачусь до постыдной контрабанды с Хамелеонами.

Я в раздражении потянул заскрипевшую створку ворот и повел в поводу лошадь по заметенной тропинке вдоль стены на задний двор. Айна по дороге меня бросила, убежав в сад по каким-то своим собачьим делам, а я задержался в стойле, расседывая кобылу и щедро насыпая ей овса. И только выйдя на улицу, осознал, что же не давало мне покоя с момента приезда в собственный особняк. Где-то далеко, почти на краю слышимости, звучала музыка. Фортепиано.

Я непонимающе нахмурился, почувствовал, как резануло раны на лице, а потом ощутил, как неистово забилося сердце. Нейа любила играть...

Воспоминания накатили, ломая возводимую годами защиту. То ли оттого, что я чувствовал себя больным и слабым, то ли Рута своими разговорами поспособствовала. А может, это повлияла музыка, которой никак не должно было быть в этом месте. Перед глазами встала давно забытая картина. Тонкая девичья шея, смоляные волосы забраны в высокую прическу, на узкие плечи наброшена синяя муаровая накидка. Прядь волос, небрежно забранная за ухо, мешается с тонкой подвеской капельки-серьги, а я с трудом сдерживаю себя, чтобы не прижаться поцелуем к молочной коже. Из-под быстрых пальцев, скользящих по черно-белым клавишам, струится нежная мелодия, и я точно знаю, что Нейа чувствует мой взгляд и улыбается.

Я скрипнул зубами и приказал воспоминаниям обратиться из моей головы. Не будь дураком, ингирвайзер, что было – быльем поросло. И вообще, большой вопрос: было ли? Угораздило же тебя по глупости принять за правду собственные иллюзии.

Заметенная снегом коряга попала под ноги – я и не заметил, когда успел сойти с тропы, – и я с трудом удержал равновесие. Тихо ругнулся, поправил чуть не выпавшую из рук поклажу и хмыкнул. Музыка исчезла. Интересно, это кто-то из соседей нашел себе новое увлечение или все же больная голова сыграла со мной злую шутку?

Устало пробрался к крыльцу. Вытряхивая снег из сапог, посвистал собаку, но та, очевидно, убежала далеко. Ладно, вернется – полагает. Подхватил с перил корзину и, толкнув дверь плечом, ввалился в темный холл. Настороженно прислушался. Было тихо, и я подумал, что гостя скорее всего завалилась спать. Вот и славно, оставлю поклажу под дверью и тоже пойду лягу.

Я сбросил пальто и, стараясь не шуметь, отправился наверх. Странно, но дверь в комнату дамочки была приоткрыта, и я, с опаской сунув туда нос, понял, что свидетельницы в спальне нет. Надеюсь, у ании все же хватило благоразумия не выходить из дому. А может, она вообще сбежала?

Я вошел внутрь, задумчиво вытащил из корзины свертки с вещами, бросил на кровать. Поставил на стол глиняный горшок, еще хранивший тепло Рутино дома, и вздрог-

нул. Музыка, громко и ясно, зазвучала снова. Мелодия определенно доносилась с первого этажа и вблизи, откровенно говоря, растеряла всю свою чарующую загадочность. Старое фортепиано было расстроено, да еще довольно громко, в такт музыке, поскрипывала педаль.

Я с шумом втянул в себя воздух и ринулся на звук. Эта идиотка что, совершенно не соображает, что делает? Она бы еще на подоконнике чечетку сплясала!

Пролетая смежную комнату, краем глаза отметил, что куда-то делась старая занавеска, а на кресле появились две подушки-думки. Шикарно. Еще пара дней, и я не узнаю собственный дом. Я появился в столовой как раз в тот момент, когда мелодия достигла кульминации, и от души шаррахнул дверью – так, что стекла задребезжали. Сидящая за инструментом женщина дернулась, обернулась, а я сурово воззрился в испуганные малахитовые очи:

– Какогодохлого шакала здесь происходит?!

Девушка попыталась сжечь меня взглядом и высокомерно протянула:

– Не могли бы вы не выражаться в моем присутствии?

Это я-то выражаюсь? Да я, можно сказать, вежлив, точно в ратуше на приеме. Слышала бы она, как я провинившихся дозорных крою... Я прищурился и ядовито-вежливо протянул:

– Достопочтенной анье совершенно случайно не приходит в голову, что ее игру могут слышать на улице? А поскольку

ку хозяин этого дома не имеет к музыке ни малейшего отношения, уважаемая свидетельница может привлечь к себе ненужное внимание.

– Что за глупости? Это всего лишь фортепиано. Уверена, сыграй здесь целый оркестр, и его не было бы слышно снаружи.

Глупая курица! Уверена она. Взять бы за шкурку и купить в сугробе под окошком. А потом сыграть что-нибудь бравурное, пока выбирается – пусть послушает. Жалко только, я в музыке не силен.

– Получается, я обладаю поистине уникальным слухом. Потому что даже у коновязи умудрился различить, как вы играете.

Я прошел в глубь помещения и с подозрением огляделся. Ну вот, так и думал. Чехлы, все эти годы закрывавшие диван и стулья, исчезли, а на столе откуда-то появилась салфеточка. Кружевная. За что?!

На мое заявление строптивая дамочка лишь закатила глаза и презрительно фыркнула. Я поневоле сжал кулаки, подумал, что свидетельницу в детстве явно мало пороли, и поинтересовался сквозь зубы:

– И, кстати, кто вам позволил распоряжаться в моем доме? Откуда вы вообще откопали вот эту, – я брезгливо поднял кончиками пальцев салфетку, – гадость?

– Прелесть, – поправила она. – Так стало намного уютнее. Не находите?

И пока я багровел и выискивал уничижительный ответ, опередила:

– Не благодарите.

С милым выражением на красивом личике анья повернулась к фортепиано и вознамерилась продолжить игру.

Кажется, в этот момент я примерно понял, как видит мир разъяренный бык. Всяко красного вокруг изрядно прибавилось. Так до сих пор и не прекратившаяся головная боль дернула виски, точно туда кто гвозди вбил, а я в бешенстве отшвырнул кусок кружева. Подлетел к девице, смахнул с пюпитра пожелтевшие ноты, оставшиеся от старого хозяина, и со всей дури захлопнул крышку. Внутренний голос запоздало шепнул, что сломанные пальцы кухни Дорсана – это не иначе как конец моей служебной карьеры. Впрочем, делать что-то было поздно, и только быстрая реакция дамочки спасла ей руки.

Она пораженно подняла на меня ставшие круглыми глаза, побледнела и, заикаясь, выдавила:

– Вы... вы... мужлан!

Вскочила с банкетки и, подхватив изумрудные юбки, вылетела из столовой, чем-то напомнив мне большую яркую бабочку. М-да. Чувствую, скучать ближайшие дни точно не придется. А потом я глухо застонал и чуть не прокусил губу, чувствуя, как позвоночник сам по себе принялся завязываться в узел. Похоже, без обезболивающего сегодня не обойтись.

Глава 5

Роксана

Гад! Козел! Деспот! Тиран!

Это нельзя. То нельзя. Туда не ходи. То не трогай. И шагу в сторону не даст ступить. А я еще, как дура, весь день убиралась. Комнату свою в порядок привела. И столовую большую. Пыль вытрясла, проветрила. Даже камин сама запалила! А он, вместо благодарности, лишь отчитал!

Грубиян невоспитанный!

Да как он вообще посмел на меня голос повесить?! Я же женщина. Ни один мужчина не имеет права со мной так обращаться! Вот приедет Рилл... И что я сделаю? Стану ябедничать ему, словно девчонка малолетняя? Пфф... Нет уж! Надо предпринять что-то посерьезнее. Придумать, как поставить этого наглеца на место. Ему это с рук так просто не сойдет!

Я скрипнула зубами и решительно схватилась за перила. Буквально взлетела вверх по лестнице и, преодолев небольшой коридор, вбежала в свою комнату. С размаху хлопнула дверью, вымещая на ней накопившуюся злобу.

Пожалуй, никому прежде еще не удавалось настолько меня разозлить. Безумно хотелось разорвать что-нибудь, швырнуть в стену подушкой, а лучше вазой. Или разбить

вдребезги дорогой сервиз. Интересно, у господина ингривайзера имеется сервиз?!

Сознание тут же услужливо подбросило картинку, как капитан Фрей попивает чаек из тонкой фарфоровой чашечки, и рвущийся из горла рык сменился истерическим хохотом. Я с ходу плюхнулась на постель и только в этот момент заметила два аккуратных свертка на краю кровати. А следом за вещами – и глиняный горшочек на низеньком прикроватном столике.

Мысли мгновенно свернули в сторону еды. Тот перекус, что был в первой половине дня, и нормальным обедом-то не назовешь, а потому сейчас я была голодна, как волк. Тут же открыла крышечку и, вдохнув пряный аромат запеченного картофеля с грибами, набросилась на лакомство. О столовых приборах этот мужлан, разумеется, не позаботился, а потому пришлось есть прямо руками. Можно было, конечно, спуститься в кухню, но пересекаться лишний раз с хозяином дома не было никакого желания. Да и блюдо было еле теплое, а потому обжечься мне не грозило.

Расправившись с ужином, совершенно неприличнейшим образом облизала пальцы, а потом и вовсе вытерла руки о белую кружевную салфетку, покрывавшую комод. Все равно та отжила свой век.

Дальше взялась за свертки. Развязала бечевку, сдернула хрустящую бумагу и тут же недовольно скривилась. Внутри оказалось какое-то изрядно поношенное тряпье. Давно

вышедшее из моды светлое платье в мелкий цветочек да простенький небесно-голубой сарафан. Терпеть не могу этот цвет. Бледный и скучный. Такое только невинной овечке носить. Безвкусица, да и только. Еще и с чужого плеча. Если он считает, что я это надену, он очень глубоко ошибается.

Решительно сгребла в кучу подарочек ингирвайзера и направилась вон из комнаты, намереваясь высказать мужчине все, что думаю о его вкусе в целом и о принесенных нарядах в частности. Благо, где располагались покои хозяина особняка, я знала преотлично. Успела изучить дом в его отсутствие.

Дверь в спальню Фрея была не заперта. Я еще издали заметила тонкую полоску света, пробивающуюся из комнаты, а потому замедлила шаг и буквально на носочках подобралась к узкой щелке, не преминув сунуть туда любопытный нос.

Капитан оказался не одет. Точнее, не так чтобы совсем не одет... На нем не было рубашки и привычных высоких сапог. Лишь мягкие домашние штаны свободно висели на бедрах.

Я глянула на его босые ступни и подивилась, как он не мерзнет, – полы здесь просто ледяные. Невольно передернула плечами и зябко обхватила себя руками, сунув прихваченные платья под мышку. Из комнаты веяло теплом, а вот стоять в коридоре было совсем не жарко. Однако представшее зрелище стоило того, чтобы немного померзнуть.

Мужчина находился спиной к двери и не мог меня видеть. И я воспользовалась этим случаем, чтобы поподробнее рассмотреть эту самую спину, широкую, тренированную, с чуть

смуглой кожей, на фоне которой были хорошо видны белые полосы старых, давно заживших шрамов. Совсем не таких, как на лице. И как он только умудрился их получить, в наше-то мирное время? Видимо, работа куратора по иностранным вторжениям и впрямь крайне опасна.

Меж тем, пока я занималась лицезрением прекрасного, капитан Фрей уселся за стол, боком ко мне, и открыл стоящий рядом чемоданчик. Внутри оказались медицинские инструменты. Рейнар выудил оттуда ампулу, следом здоровенный шприц с иглой-наконечником, и у меня похолодело внутри.

Что, вшивый пес его задери, он собирается делать?

Долго этим вопросом задаваться не пришлось. Рейнар ловко стянул предплечье резиновым жгутом и, водрузив локоть на стол, ввел содержимое шприца в вену.

Да, зрелище не для слабонервных. И уж точно не для благовоспитанных девиц.

Я облегченно выдохнула, когда он убрал инструменты и закрыл чемоданчик, но, как оказалось, укол – совершенно не то, чего стоило бояться. Мужчина развернулся лицом ко мне, и я судорожно зажала род ладонью, пытаюсь подавить рвущийся наружу крик.

Жуткие раны на лице были не единственными на его теле. Вся правая половина грудной клетки, плечо и ребра были исполосованы такими же страшными отметинами. Длинные росчерки кроваво-красных язв. Будто кто кнутом стегал,

прицельно сдирая кожу.

Мать Прародительница, за что?!

Я глубоко вдохнула, пытаюсь унять головокружение и тошноту, внезапно подступившую к горлу. Схватилась за стенку и медленно сползла на пол, понимая, что не в силах держаться на ногах.

Вдох-выдох, вдох-выдох. И пульс, бешено колотящийся в висках.

Главное, чтобы меня прямо тут не вывернуло, иначе мало того, что выдам себя, так еще и запачкаю единственное приличное платье. Нет, надо взять себя в руки, успокоиться. Но стоило поднять глаза от пола и вновь глянуть на стоявшего по ту сторону двери мужчину, как мне вновь стало дурно.

Изуродованное тело выглядело ужасно. И даже со своего места я могла различить, что особенно глубокие раны кровят, гноятся. А когда ингирвайзер взялся за полотенце, окунул его в тазик с какой-то жидкостью и, зашипев от боли, приложил к животу, я поняла, что больше не могу смотреть. Вскочила с холодного пола и, не заботясь о том, что меня могут услышать, унеслась прочь.

Свою комнату закрыла на замок, будто он мог отгородить меня от увиденного, выдернуть из головы неприятные мысли и жуткие воспоминания. Наскоро стянув с себя платье, забралась под холодное одеяло, укуталась с головой так, чтобы меня было не видно и не слышно.

И зачем я только туда полезла? Дура! Теперь век не смогу

избавиться от этой жуткой картинке, что раз за разом встает перед глазами. И тело все еще дрожит от страха. А веки щиплет от подступивших слез, которые я даже не пытаюсь сдерживать. Тихий же вой попросту затыкаю подушкой, вновь и вновь проклиная себя за чрезмерное любопытство. Оно, как говорится, еще никого до добра не доводило.

Сон был муторным. Невнятные образы, обрывки сновидений, мутные краски и смазанные очертания и без того неясных картин. Я ворочалась с боку на бок, подбивала подушку, пытаюсь найти удобное положение. То проваливалась в зыбкую дрему, то вновь выплывала из нее. Промучилась так всю ночь и наступлению утра и солнцу, выглянувшему из-за плотных облаков, была только рада.

Правда, солнцем все хорошее и закончилось. Дом, и без того не баловавший теплотой, за ночь и вовсе выстыл. Кожа покрылась противными мурашками, и ноги тут же заочеченили. И вновь вернулась вчерашняя злоба. Этот гад ведь даже тапочками не озаботился. А обувать сапоги на босу ногу... В общем, прежде чем выйти из комнаты, пришлось полностью облачиться в свой вчерашний костюм. Плотные чулки, подвязки, нижняя юбка. Платье, уже не кажущееся столь удобным, как прежде. Сейчас оно виделось мне тесным и совершенно не подходящим случаю. Однако выглядело оно по-прежнему великолепно. Даже измявшееся, оно было много лучше того, что давеча притащил Фрей.

Я с неприязнью глянула на ворох одежды, неряшливо перекинутый через спинку стула, и подумала, что все же стоит высказать свои претензии хозяину. Вот только в спальню к нему я больше не сунусь. Острых ощущений на всю оставшуюся жизнь хватило. Лучше дождусь, пока Рейнар спустится к завтраку.

А пока направилась в умывальню, надеясь хоть немного освежиться. О нормальной помывке, разумеется, и речи не шло, хоть на первом этаже и имелась вполне приличная купальня. Вот только на то, чтобы набрать имеющуюся там бадью, уйдет полдня, не меньше. Поэтому я ограничилась лишь тем, что ополоснула лицо, воспользовавшись небольшим медным тазиком. Вода там, конечно же, была ледяной, что изрядно добавило бодрости и усилило степень раздражения. На то, чтобы найти свежее полотенце, и вовсе ушли последние капли терпения, а вместе с тем и благоразумия. А потому, приведя себя в относительный порядок, я схватила ожидавшиеся в спальне наряды и решительно направилась на поиски хозяина дома.

Капитан Фрей, как и следовало ожидать, обнаружился в гостиной.

Он сидел в облюбованном кресле и с интересом листал утреннюю газету. На мой приход этот тип никак не отреагировал. Даже бровью не повел. Будто меня и не существует вовсе.

Пришлось заявить о себе громким покашливанием.

– Доброе утро, – все же соизволил отозваться хозяин дома и, по-прежнему не глядя в мою сторону, отхлебнул кофе из высокой кружки.

– Не уверена, что оно такое уж доброе... – пытаюсь не повышать тона, процедила я. – Будьте добры объяснить, что это такое?!

Я демонстративно протянула вперед руку с перекинутым через локоть платьем. Однако реакции не последовало. В смысле глаз он на меня так и не поднял, лишь сухим безразличным тоном уточнил:

– О чем вы?

Ладно, не хочет по-хорошему, будет по-плохому.

– Что это такое? – Я подошла почти вплотную и швырнула ворох тряпья ему под ноги, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень негодования.

Рейнар лишь на мгновение оторвался от чтения, кинул косой взгляд на брошенную одежду и вновь вернулся к изучению статьи.

– Как «что»? Платья. Правда прелесть? – все так же уставившись в разворот, ответил этот нахал. И хоть я не видела его лица, уверена, за желтоватыми страницами скрывалась усмешка. – Можете не благодарить.

– И этот хлам ты называешь платьями? Я эти обноски в жизни не надену!

Фрей вновь глянул на тряпье. Теперь уже более внимательно.

– По-моему, вполне милые вещи. Меня уверяли, что в них даже можно ходить на свидания. Или вы нашли там дыры?

Он что, и правда не понимает? Или это такое изощренное издевательство? Ладно, объясним популярно.

– Ага. Моль прогрызла! – передразнила я. – От них пахнет старьем и древесной трухой. Я уже не говорю о фасоне и размере. Если это вещи вашей любовницы, то я вынуждена вас разочаровать. У нее дурной вкус и полное отсутствие фигуры! Хотя о чем это я... – Я на секунду задумалась, прервав пламенную речь, и, не желая беречь его самооценку, припечатала: – Откуда у вас любовница? С таким-то отношением к женским потребностям!

Рейнар нахмурился. Кажется, мои слова пошатнули его самообладание.

– Если не нравятся вещи – можешь их не надевать. Ты просила – я принес. Не твое дело – откуда. Женщина, любезно согласившаяся поделиться, уж куда приличнее тебя, и не тебе ее судить.

Я не стала акцентировать внимание на том, что капитан Фрей вновь перешел на «ты», сколь бы неприемлемо и неуважительно это ни звучало. Я уже поняла, что когда он злится, это происходит у него машинально. Задело меня совсем иное.

– Так, значит, я неприличная? – прошипела сквозь плотно стиснутые зубы. – Может, мне тогда вообще голой ходить?! Чтоб уж точно соответствовать образу!

Он таки отложил газету. Любовно устроил на журнальном столике и пригладил ладонью страницы. Глянул на меня совершенно невозмутимым взглядом и выдал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.